

УДК 94(470.41)+321

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «КАЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО ГРАДА БУСУРМАНСКОГО» ХАНСКОГО ПЕРИОДА (1440-е – 1552 гг.)*

*А.Г. Бахтин, доктор исторических наук,
Б.Л. Хамидуллин, кандидат исторических наук*

Политика России в отношении Казанского ханства выстраивалась постепенно под влиянием обстоятельств. Никакого четкого продуманного заранее плана по завоеванию не существовало. Все попытки некоторых историков реконструировать его исходя из событий, являются лишь сомнительной ретроспекцией. Результаты, достигнутые во время кампании 1551 г., т. е. посадение на ханство вассального правителя Шах-Али, освобождение пленных и подчинение Горной стороны, уже считалось окончательным решением поставленной задачи, и современники воспринимали этот успех как «светлую без крови победу»¹. По мнению русского правительства, «казанский вопрос» был решен. До января 1552 г. русское правительство пыталось превратить Казанское ханство в формально самостоятельное вассальное государство, возглавляемое «послушным» ханом, близкое по типу к Касимовскому царству. Еще в сентябре 1551 г. Шах-Али рекомендовали, чтобы он «укрепил бы Казань крепко государю да и себе, как Касимов городок, чтобы при нем и после его была неподвижна, и кровь бы на обе стороны престала на веки»². Обратим внимание на предполагаемую долгую перспективу существования ханства. Русские бояре считали, что

ханство будет оставаться самостоятельным не только при Шах-Али, но и при его преемниках. В ноябре был дан наказ, «чтобы царь Казань крепко устроил государю, как Городок, чтобы кровь христианская не лилася»³. Принятие же ханства в состав России было нежелательно, т.к. влекло значительные материальные издержки, отодвигало русские границы к кочевьям беспокойных восточных орд, что неизбежно бы вызвало осложнение отношений с мусульманскими странами. Лишь в январе 1552 г., когда стало очевидно, что Шах-Али не контролирует обстановку, она усугубляется, и возникла угроза восстания, русское правительство приняло решение о мирном включении ханства в состав России по договору с казанцами и на правах широкой автономии с заменой хана русским наместником.

В качестве наместника в Казань назначили князя С.И. Микулинского. По распоряжению из Москвы, 6 марта 1552 г., под предлогом отправления на рыбалку, Шах-Али покинул Казань. При этом ему удалось обманом увести с собою в Свияжск еще 84 представителя оппозиционно настроенной казанской знати, испортить порох и пушки⁴.

Известие о смещении ненавистного Шах-Али и присоединении к

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2014. – № 1, № 2, № 3, № 4; 2015. – № 1.

России было встречено значительной частью казанцев со сдержанным одобрением. Из Казани сообщали, «что вся земля Казаньская государеву жалованию ради, правду дают, и к бояром едут лутчие люди». В то же время событие было настолько неординарным, что вызвало противоречивую неоднозначную реакцию. Выражая согласие подчиниться России, казанцы ожидали предстоящих перемен со смутной тревогой. Этим воспользовалась оппозиция. Когда 9 марта 1552 года русский наместник приблизился к Казани, от его свиты отделились татарские князья Ислам, Кебяк и мурза Алексей Нарыков. Они прискакали в город, закрыли ворота и объявили, что русские будто бы хотят перебить всех татар. При этом они ссылались на слова касимовцев и даже самого Шах-Али. Не исключено, что, озлобившись против казанцев, касимовские татары могли говорить что-то подобное, но это не имело ничего общего с замыслами русского правительства. Расправы, учиненные Шах-Али, были свежи в памяти и участие в них русских стрельцов тоже. Слова перебежчиков, подобно упавшим на сухую солому искрам, разожгли пожар в Казани. Возможно, сами перебежчики стали жертвой обмана со стороны касимовцев и непроизвольно обрекли население Казани на гибель. Казанцы взяли за оружие, желая отстоять свободу и независимость своего государства⁵. С.И. Микулинскому было заявлено, что «Казань бо царство волное и держат царя по воли своей, брегущаго людей своих, а злаго отсылают или убивают»⁶. Источники свидетельствуют, что у русских не имелось никаких планов о проведении репрессий против населения Казани, и сил у наместника для этого было недостаточно. Они пытались разрешить недоразумение и поэтому долго не предпринимали ни-

каких силовых действий в отношении Казани. Сторонники же войны среди казанцев, напротив, действовали решительно, опасаясь возможного примирения. Они «в Нагаи послали царя просити, а на Горную сторону стали войною приходити и отводити их от государя. Горние люди одну их посылку побили, дву князей Шахчюру, и Шамая мурзу. И к воеводам изымав привели и воеводы горных пожаловали, а изменников казнили»⁷. Однако нападения казанцев продолжались, а русские не предпринимали ответных мер. Среди воинов свияжского гарнизона вспыхнула эпидемия: «...пришла немочь великая на государевы люди цынга, и язвами многие померли; и иные мрут, и больны лежат, дети боярские, и стрельцы и казаки»⁸. Провал мирной попытки присоединения Казанского ханства во многом был обусловлен отсутствием предпосылок для этого.

Население Горной стороны подчинилось России хотя и мирно, но вынужденно, поэтому относилось к своему новому положению неоднозначно. Когда русское военное присутствие на Горной стороне ослабло, часть населения под влиянием казанской пропаганды подняла восстание. Восставшие подходили к Свияжску и захватывали стада скота и брали в плен детей боярских. Им удалось разбить два отряда казаков, уничтожив 101 человека⁹. По мнению академика М.Н. Тихомирова, «главная роль в этом восстании горных людей принадлежала татарам»¹⁰. Следует добавить, что в восстании, видимо, приняла участие и какая-то часть чувашей, живших по берегам Цивилия. Однако повсеместного вовлечения населения в восстание не произошло. С наступлением весны эпидемия в Свияжске прекратилась, из Нижнего Новгорода прибыли войска. Восставшие, не имея надежной опоры среди местного насе-

ления и поддержки из Казани, быстро потерпели поражение¹¹.

Прибывшее в Ногайскую Орду казанское посольство просило оказать военную помощь и прислать к ним на ханство царевича. Под рукой у князя Юсуфа оказался астраханский царевич Едигер-Магмед Касаевич. Его он и направил в Казань, дав в помощь мурз Зейнеша (Дзнеша) и Торуя с отрядом воинов¹². Из другого сообщения следует, что Едигер-Магмед пошел в Казань будто бы без ведома князя Юсуфа и сопровождал его отряд только в 200 воинов, но и тот вернулся от Камы назад, а в Казань с царевичем пошли всего 30 человек¹³. Следует доверять все же первому сообщению. Антирусская позиция князя Юсуфа хорошо известна, а из донесения служилого татарина Сююндюка Тулусупова известно, что вместе с царевичем в Казань выехал доверенный человек князя Юсуфа Джан-Магмет¹⁴. После прибытия Едигер-Магмета в Казань и провозглашения его ханом возобновление войны стало неизбежным.

В апреле в Москве состоялось совещание царя Ивана IV с боярами «о своем походе к Казани», на котором было решено предпринять поход немедленно, не дожидаясь зимы. 16 июня многочисленная русская рать во главе с царем выступила в поход на Казань. Крымский хан Девлет-Гирей сделал все, чтобы сорвать его. Татарская конница, усиленная турецкими янычарами и артиллерией, появилась под Тулой. Однако крымчаки поторопились, русские войска не успели еще далеко уйти и смогли без труда отразить нападение и вынудить врагов покинуть русские пределы¹⁵. После чего войска несколькими группами продолжили движение в направлении Казани. 4 августа они достигли Суры, где царя встретили свияжские воеводы с известием о том, что с помощью присланных подкреплений удалось

подавить восстание на Горной стороне. Среди встречавших присутствовали «горные люди Янтуду мырза, да Бузкей да Кудабердей с товарищи». «Горных людей государь ести звал да удоволив их и словом пожаловал, вины им отдал и отпустил в Свиязской город, а велел на реках мосты мостить и тесные места чистити по дорозе». Несколькими днями позже царя встретили те, кто участвовал в восстании. Они «били челом о своем отступлении» и оправдывались тем, что «страхом от государя отступили, что их воевали казанцы». И этих посланцев «государь пожаловал», простил и пригласил к себе за стол. Отпуская же, царь указал «им готовым быти с собою, государем, на Казань». Горные люди выразили желание служить русскому царю¹⁶.

Проходившие по Горной стороне русские войска всюду встречали радушный прием. Местные жители расширяли и расчищали дороги и «на всех реках мосты мостили». Участник похода князь А.М.Курбский позднее вспоминал, что встречавшие их чуваша и черемисы «радующеся цареву пришествию», продавали хлеб и скот. «Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных калачей, обретется», – восхищался даже спустя много лет князь¹⁷. Но только поставкой продовольствия и ремонтом дорог и мостов помощь не ограничилась, 4000 воинов из горных марийцев и чувашей влились в один из полков войска Ивана IV¹⁸.

Соединившись под Свияжском, русские рати переправились через Волгу. Небольшой татарский отряд пытался воспрепятствовать переправе, но вынужден был отступить. Русские войска 23 августа приступили к осаде Казани. Численность их была значительной, чаще всего историки указывают на 150 000¹⁹. Вероятно, эти данные завышены. И.Л. Измайлов оп-

ределяет русское войско в 50–70 тыс., включая 3 тыс. татар Шах-Али²⁰. В русском войске была темниковская мордва во главе с князем Еникеем, касимовские татары с ханом Шах-Али и городецкие служилые татары под руководством Ак-сеита Черевсева, чувашаи и горные марийцы²¹.

Казанские войска разделялись на три группировки. Самая внушительная защищала столицу ханства. По свидетельству Курбского, она насчитывала 30000 воинов²². Казанский летописец указывает на 40 000 воинов, и добавляет, что в городе была проведена тотальная мобилизация всего мужского населения, включая больных и немощных, вооружена даже часть женщин и принудительно мобилизовано около 5000 находящихся в тот момент в Казани восточных купцов. Это дало еще 10 000 защитников²³.

Вторая группировка из 15–30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак мурзой и арским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск и, находясь в непосредственной близости от Казани, должна была наносить удары по осаждающим войскам со стороны Арского поля. Кроме татар, удмуртов и марийцев в его составе находилось 2700 ногайцев, пришедших на помощь ханству²⁴. Марийское ополчение действовало самостоятельно со стороны Галицкой дороги. На Волге находились казанская и черемисские флотилии. И.Л. Измаилов пишет о том, что казанцы могли располагать силами более чем в 20 тыс. (3 тыс. ногайцев, 10 тыс. татарского ополчения, 5 тыс. войско Япанчи и черемисы)²⁵.

Не вызывает сомнения, что русские превосходили своего противника по численности в 2–2,5 раза.

Иван IV послал казанскому хану предложение капитуляции, обещая сохранить казанцам жизнь и имущество, но получил решительный отказ.

Передовой и большой полки наступали со стороны Арского поля, полк правой руки с казаками занимал правый берег р. Казанки, сторожевой размещался в устье Булака, полк левой руки располагался вдоль Булака. Поволжское ополчение с ханом Шах-Али стояло тут же. За ними в резерве находился царский полк, там же размещалась ставка Ивана IV. Казань была окружена сплошным кольцом траншей, тыном и турами (корзины с землей). С возведенных валов и осадной 13-метровой башни с 50 пушками, которую подкатили к крепостной стене, по городу вели постоянный обстрел из пищалей и орудий, нанося осажденным большие потери.

Взаимодействуя друг с другом, все три казанские группировки с первых же дней битвы за Казань стали наносить ощутимый урон русским войскам. По условному сигналу с минарета городской мечети казанцы предпринимали вылазку, а из лесов одновременно нападали марийцы и татары. Первая такая вылазка силами в 15 тыс. человек произошла 23 августа. Казанцам удалось нанести поражение русскому ертаулу, но контратака стрельцов вынудила их отступить. Особенно беспокоили нападения с тыла, они подрывали моральный дух и физические силы русских воинов. «От частого наезжания черемисского» особенно сильно страдали обозы и тылы русских войск. Даже много лет спустя А.М. Курбский восклицал: «А горче всех было, от их наезжания, тем христианским полком, яже стояли на Арском поле, яко и нам, с Галицкия дороги, яже суть от луговья черемисы»²⁶. Аналогичным образом о партизанских нападениях черемисов отзывается и Казанский летописец: «Но злее предних градцких, создаи выезжая из острогов лесных, стужаше полком руским черемиса наезжая на станы, возмушаючи в нощи и в день,

убиваючи от вои, и хватаючи живых, и стада конская отгоняючи»²⁷. Особенно значительное нападение произошло 28 августа: «...придоша с лесу многие люди казанцы на Арьское поле и нападоша внезапно на передовой полк...»²⁸.

Русские воеводы на своем горьком опыте знали, насколько катастрофичными для всей кампании могут стать регулярные нападения на тылы осаждающих Казань войск. «И в печали бысть о том царь князь великий, и воеводы его все»²⁹. На совещании воевод было принято решение о проведении операций против нападавшего с тыла противника. 30 августа воеводы А.Б.Горбатый и П.С.Серебряный притворным отступлением выманили казанцев из леса, затем отсеки их от опушки и, окружив, разгромили. Бегущих преследовали 15 верст до реки Килири. У В.Н.Татищева записано, что в результате боя в плен попало 140 человек. В летописях и разрядных книгах указывается на 340, 440, 740, а Курбский называет максимальное число – около 1000 пленных³⁰.

Однако уцелевшие казанские воины собрались на укрепленной Высокой Горе, недалеко от Казани, перегруппировались и возобновили нападения на русских. Потребовалось проведение против них еще одной операции. 6 сентября группа войск во главе с воеводами А.Б.Горбатым, А.М.Курбским, С.И.Микулинским и др. начала наступление на Высокую Гору. Русским частям были приданы служилые татары, мордва и отряды горных людей. Укрепления на Высокой Горе были взяты после ожесточенного, но скоротечного боя. На третий день наступления русские без боя заняли Арск. «И повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и многое множество христианского полону свободили»³¹. Казанский летописец так описывает

победоносный поход русских войск по Казанской земле: «И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы; и покрываша ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми поляся варварская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемисскими костми»³². Русские сожгли несколько марийских острогов «и воевод черемиских 5 взяша живых, а с ними 500 добрых черемисинов приведоша, и жены их и дети плениша»³³. За 10 дней войсками было взято 30 больших и малых острогов, общее число пленных достигло 5000 человек, захвачена богатая добыча: «...всякого их рухла и скота взяша без числа...»³⁴. А.М.Курбский также пишет о большом количестве взятого хлеба, скота и мехов³⁵.

Казалось бы, победоносный поход должен был положить конец партизанским действиям в тылу русских войск, тем не менее, уже через четыре дня после завершения операции, как сообщает Курбский, «собралось черемисы луговая немало, и ударили на наши станы задние, с Галицкие дороги, и немало стад коней наших отгромили». Посланная вслед за ними погоня настигла марийцев «и овых избиша, других живых поимаша»³⁶. Только после этого «черемиса преста выезжати из лесов»³⁷.

Успехи русских войск по разгрому арской группировки и отрядов марийцев значительно осложнили положение осажденных, которые были вынуждены отказаться от вылазок.

При осаде применялось новшество европейского военного дела – минные подкопы. В Европе они использовались с конца XV в., на Руси стали известны с 1535 г., после осады Ста-

родуба. Под руководством итальянских, немецких, литовских и русских специалистов осуществлялись минные подкопы под стены. Казанский летописец сообщает, что некий калужский служилый человек Юрий Булгаков, задействованный в охране работ, пытался сообщить казанцам о направлении подкопов, посылал в город стрелы с письмами. Казанцы не знали, как с этим бороться и не смогли воспрепятствовать. После взятия города пособничество Булгакова вскрылось, и он был казнен³⁸. 4 сентября 11 бочками пороха был взорван главный городской колодец, это затруднило снабжение осажденных водой, повысило заболеваемость и смертность. В прочих колодцах города вода оказалась некачественной.

Положение еще более ухудшилось после получения известия о том, что ни ногайцы, ни башкиры не собираются прийти казанцам на помощь. Часть казанцев стала склоняться к мысли о капитуляции, некоторые перебежали в русский стан, среди них мурза Камай³⁹.

Иван IV посчитал, что наступил удобный момент для переговоров и попытался склонить татар к сдаче города. Для ведения переговоров к крепостным стенам семь раз направлялись перешедший на русскую сторону мурза Камай и горные люди. В доспехах простого воина, чтобы не быть узнанным, присутствовал даже сам царь⁴⁰. К стенам неоднократно подводили группами пленников, которых набралось к тому времени до 7000, чтобы они уговаривали казанцев сложить оружие. Царь Иван предлагал казанцам сносные условия сдачи города⁴¹. Однако никакие уговоры не помогли, большинство казанцев было полно решимости сражаться до последнего.

Раздосадованный стойкостью защитников Казани, царь Иван прика-

зал предать пленников казни на виду у осажденных. По словам Казанского летописца, он приказал «инех около града на колия посади, а инех стремглав за едину ногу повешати, а инех за выа, инех же оружием убивати на устрашение казанцем, да видевше злогоркую тое смерть своих и убояться, град здадут ему и смирятсья». Часть пленных привязали перед русскими осадными укреплениями с тем, чтобы они умоляли защитников города сдатьсья. Их расстреляли сами же казанцы из луков, чтобы прекратить мучения. По сообщению Казанского летописца, пленные черемисы будто бы «умирающе кленяху казанцев: «Дабы и вам по нас та же горкая смерть прияти и женам вашим и детям»⁴². Однако показательная суровая расправа с пленными имела обратный эффект – казанцы укрепились в мысли сражаться до конца.

30 сентября взорвали стены у Арских и Царских ворот. Русские ворвались в город и заняли стены и башни. Отчаянной контратакой казанцы вынудили противника отступить, но Арская башня осталась за стрельцами. На месте разрушенных стен были наспех построены новые. 1 октября Иван IV предъявил ультиматум, предлагая сдатьсья на милость победителя. Казанцы отвергли его, заявив: «или все умрем или отседимсья»⁴³.

К этому времени защитники Казани были в значительной степени обескровлены, укрепления сильно разрушены, из-за отсутствия хорошей воды начались болезни, и лишь отчаяние придавало решимость сражаться до последнего. На 2 октября назначили решительный штурм, который должен был последовать сразу же после подрыва подкопов. Значительные силы выделили в резерв и на прикрытие со стороны леса. На Арской и Чувашской дорогах вместе с воеводой И.Ф. Мстиславским поста-

вили Шах-Али с татарами и горными людьми⁴⁴.

Утром 2 (12) октября были взорваны стены у Аталыковых и Ногайских ворот. В образовавшиеся проломы под прикрытием артиллерии, огня стрельцов и лучников 6-ю колоннами ворвались штурмующие. Осажденные стреляли из пушек, пищалей и луков, обливали нападавших кипящей смолой, сбрасывали на них бревна и камни.

Яркое описание ожесточенного сопротивления казанцев при штурме города оставил А.М.Курбский: «Егда же еще быхом подалече от стен, ни из единыя ручницы, або стрелою, на нас стреляно; егда уже близу быхом, тогда первее много огненный бой на нас пущен с стен и с башен; тогда стрел густость такая, яко частость дождя; тогда камения множество безчисленное, яко и воздуха не видети! Егдаж близу стены подбихомся с великою нуждою и бедою, тогда вары кипящими начаша на нас литии и целыми бревны метати... и аки бы за полгодини отбиша их от окон стрелами и ручницами. А к тому и дела из-за шанцов наших помогаша нам, стреляющее на них: бо они явственню уже стояша на башне оной великой и на стенах града, не хранящееся, яко прежде, но крепче с нами, и обличне и вручь бьющесь. И абие могли бы их избити; но много нас ко штурму поидоша, а мало под стены градныя приидоша: некоторые возвращающесь, множество лежащее и творящееся побиты и ранены»⁴⁵.

Защитники были сбиты со стен и отступили к укреплениям ханского дворца, бой закипел в городе. Воспользовавшись тем, что многие русские занялись грабежом, защитники контратакой смогли отбросить нападавших к стенам, победа татар была близка. Только введение в бой свежих сил царского полка изменило ситуацию. Медленно отступая, ка-

занцы сосредоточились у ханского дворца. В последнем бою принимали участие отряды, сформированные из духовенства во главе с сеидом Кул Шерифом и женщин. Видя безнадежность положения, хан Едигер-Магмед и мурза Зайнаш сдались. Шести тысячам казанцев удалось прорваться через русские заслоны у Елбугиных ворот и переправиться через Казанку, однако скрыться в лесу смогли только несколько сотен. Защитники города были перебиты, имущество разграблено. По приказу Ивана IV в живых оставляли женщин и детей. Однако рассвирепевшие в битве и опьяневшие от крови воины убивали без разбора, из-за чего погибли и женщины, и дети. Псковская I летопись сообщает, что «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси взя город Казань, октября во 2 день, подкопом и многими приступы; и высекоша всех татар во граде до 20 000, а прочих розплениша, а город весь выгорел от зелия...»⁴⁶. На такую же численность погибших казанцев указывает и Казанский летописец, увеличив только для эффекта в 10 раз. Среди погибших были и «мала и велика, стара и млада, мужска полу и женска...»⁴⁷. Погибших казанцев, по свидетельству Г.Штадена, привязывали к лошадям, волокли к Волге и бросали в реку⁴⁸. Какая-то часть казанцев погибла в ходе осады. Уцелевшие женщины и дети были пленены: одних продали «в иные земли», других обратили в холопов, многих молодых женщин крестили и выдали замуж⁴⁹.

Русские тоже понесли существенные потери, подсчет рязанского воеводы Назара Глебова показал 15 355 человек⁵⁰. «Синодик по убиенных во брани» содержит имена 185 князей и служилых людей, убитых при казанском взятии⁵¹. Погибшие были погребены на Зилантовой горе у города. Убитых татар, мордву, чуваш и горных марийцев, воевавшие на стороне

Ивана IV, должны были похоронить отдельно как мусульман и язычников.

Закрепилось мнение, что все мужское население Казани было уничтожено. Но, например, Московский летописец упоминает захваченных в Казани «князей, и мурз, и всяких чиновных татар». По его словам, царь предложил им «служити и прямити так же, как нам служат ваша братья, которые у нас пожалованы в московских городах»⁵². Депортацию в Россию многочисленных «улановей и мурз и князей казанских з женами и з детми подтверждает Казанский летописец⁵³ и татарская летопись⁵⁴.

В первые же дни после взятия Казани, возможно, уже 3 октября состоялся «совет» с целью организации системы управления завоеванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. На нем присутствовали царь, воеводы и священнослужители. Если первый вопрос решили единодушно, то при определении курса в отношении народов Поволжья обнаружились принципиальные расхождения. Большая часть воевод, по определению А.М. Курбского, «все мудрые и разумные», и сам князь советовали царю задержаться в Казани до весны для того, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на веки»⁵⁵. Метод жестокого террора в отношении завоеванных народов преследовал цель подавления воли к сопротивлению и был традиционен для средневековой Азии и Европы. Повсеместно победители либо истребляли побежденных полностью, либо ограничивались уничтожением феодальной верхушки и сами занимали ее место. В этом случае народ-победитель и народ-господин ставил между собой и покоренными кастовые преграды⁵⁶. Крайние радикальные настроения были присущи значительной части

русского воинства. Сторонники такой позиции стояли за чисто военное силовое решение проблемы. Еще в 1549 году дворянин И.С.Пересветов в своих челобитных рекомендовал царю после завоевания Казанского царства немедленно насильно крестить все население, а на тех, кто не подчинится, «воинники удалые послати на улусы казанские, да велети жещи и людей сечи и пленити»⁵⁷.

Противоположная точка зрения была у братьев царицы Анастасии Данилы и Никиты Романовичей Захарьиных, еще нескольких воевод и священников. Они предлагали воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск из завоеванного ханства и решать все вопросы мирным путем на переговорах с местным населением.

Умеренный подход ориентировал правительство на сочетание мирных и карательных мер с целью интеграции завоеванных народов в систему Русского государства. Такой подход основывался на ставшей уже традиционной политике Руси по привлечению представителей соседних народов на свою сторону.

Вопреки мнению большинства, царь принял вторую точку зрения, являвшуюся логичным продолжением политики России в отношении Казанского ханства. Раньше пытались договориться с независимыми казанцами, теперь хотели договориться с уже побежденными. Мирное подчинение края избавляло от трудной, дорогостоящей и кровопролитной войны и отвечало фискальным интересам государства. История взаимоотношений с ханством позволяла надеяться на его мирное подчинение. В 1487–1505 и 1508–1521 гг. Казань находилась в той или иной степени вассальной зависимости от России. Среди татар было немало сторонников соглаше-

ния с Москвой. Часть нетатарского населения также была готова пойти навстречу русскому царю (жители Горной стороны, часть удмуртов).

По улусам ко всем черным людям были разсланы «жаловалные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует». «И прислали ко государю арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярьского, хто бы им сказал цареву жаловалное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежались, и они бы, учиня государю правду, дав шertzь, поехали ко государю». Вскоре «с Луговой стороны также черемиса приехала ко государю бити челом, и государь их пожаловал». По приказу царя по улусам были направлены сын боярский Никита Казаринов и мурза Камай. 10 октября они возвратились в Казань вместе со многими арскими людьми. Одновременно и «луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали». Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают»⁵⁸. Иван IV приказал брать ясак в размерах, существовавших в конце XV – начале XVI в. при московском вассале хане Мухаммед-Эмине, т.е. произошло сокращение норм ясака. Отменялось и суюргальное право, население впредь обязывалось платить «прямые ясаки» непосредственно в пользу феодального государства⁵⁹, что тоже должно было облегчить положение народа.

В соответствии со сложившейся в ханстве традицией решался и вопрос о землевладении – верховным собственником всей земли становился

русский царь. Непосредственное же владение землей сохранялось за крестьянскими общинами и местными феодалами при условии их лояльности к новому режиму. После падения Казани не последовало ни раздачи земель русским людям, ни закрепощения коренных жителей за русскими феодалами. Местные крестьяне впоследствии по-своему объясняли, почему они не были закрепощены русскими боярами и дворянами. В одном чувашском предании рассказывается о том, что Иван Грозный, проезжая по Горной стороне, очень удивлялся хорошей обработке полей, отсутствию сорняков на них, высоким урожаем хлебов. Бояре, жадно взирая на колосющиеся нивы, будто бы просили царя закрепить за ними чувашских крестьян, на что царь Иван им отвечал: «Нет уж! Пусть будут царевы люди»⁶⁰.

В ознаменование наступившего мира был устроен пир, на котором присутствовали как русские воины и их союзники из числа поволжских жителей, так и прибывшие на переговоры представители луговых марийцев, татар и удмуртов. После пира царь приказал «дать им семена земныя, и коня, и волы на оранье, инем же и одеяние дасть и сребрениц понемногу» и «отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажут воем своим не обидети их ничим же»⁶¹.

Таким образом, 10 (20) октября весь край юридически покорился русскому царю. Необходимо отметить, что за несколько дней в Казань не могли, из-за опасения и удаленности, приехать многие представители отдельных родов. Следует учесть и то, что население пошло на признание подданства в обстановке реальной угрозы возможного наступления высвободившихся после взятия Казани войск. Поэтому челобитье 10 октября не во всем адекватно отражало настроение

населения. Да и царские подарки вряд ли произвели сильное впечатление на удмуртов, татар и марийцев. Они всего лишь получили назад часть разграбленного у них же имущества.

В течение нескольких дней после взятия Казани была осуществлена большая работа по налаживанию системы управления краем. Не ломая традиционные принципы управления, сложившиеся в Среднем Поволжье, Иван IV пошел по пути создания системы воеводского управления с полным отказом от изживших себя в центре страны принципов кормления. Предполагалось управлять краем с помощью лояльной национальной знати, но под строгим контролем со стороны русских чиновников. За местной знатью, признавшей новый режим, сохранялась власть на местах, она допускалась к работе судебных органов, выполнению ряда административных функций, несению полицейской и военной службы⁶².

В Казани были оставлены на воеводстве Александр Борисович Горбатовый, Василий Семенович Серебряный, окольный Алексей Данилович Басманов. Им отводилась важнейшая роль по поддержанию порядка в крае – «бытии на вылоске». Заниматься городскими делами предписывалось окольному Ивану Безсонову. С ними оставили 7050 детей боярских, стрельцов и казаков. Гарнизон Свияжска установили меньше по численности ввиду лояльности населения Горной стороны. «На вылоске» были определены князя Петр Иванович Шуйский, Борис Иванович Салтыков-Морозов и Григорий Петрович Звенигородский. Город находился в управлении боярина Семена Константиновича Заболотского и князя Дмитрия Михайловича Жижемского⁶³.

Уже 11 октября Иван IV по Волге отплыл из Казани в Свияжск и на следующий день в Москву, куда вступил

с триумфом 29 октября. Вслед за ним потянулось отягощенное добычей и полоном войско. Осенняя распутица сильно испортила дороги, и обратный путь был долог и труден. Только в начале ноября войска добрались до Нижнего Новгорода и были распущены по домам. Спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского государства.

В советской историографии сложились три точки зрения в отношении характера восстания 1552–1557 гг. Сторонники первой полагают, что восстание являлось сепаратистским выступлением казанских феодалов. Крестьянство же на первых порах будто бы слепо следовало за своими вождями и лишь потом, осознав реакционный характер восстания, отошло от него⁶⁴. Ряд других авторов утверждает, что восстание являлось крестьянским и было направлено против установившихся феодальных порядков⁶⁵. Есть мнение и о том, что восстание одновременно развивалось и как крестьянское антифеодалное, и как сепаратистский мятеж феодальной знати⁶⁶.

Проведенные в последние годы исследования позволяют сделать вывод о народно-освободительном характере восстания 1552–1557 гг., движущими силами которого выступили широкие слои марийского, татарского и удмуртского населения, организованные и возглавленные татарскими феодалами и марийско-удмуртской родовой старшиной. При этом основной ударной силой восстания стали левобережные марийцы. Впоследствии их роль в повстанческом движении неизменно повышалась. Это послужило причиной того, что уже современники называли эти восстания «черемисскими войнами». По сути, это было даже не восстание, а продолжение Казанской войны. События 1552–1557 гг.

можно называть восстанием только на основании формального вхождения Среднего Поволжья в состав Российского государства.

В условиях борьбы с захватчиками имевшиеся противоречия отступили перед общей задачей освобождения родины. Это позволило представителям различных социальных и этнических групп объединить свои усилия и выступить единым фронтом.

Катализирующей и организующей силой восстания стали татарские феодалы, родоплеменная марийско-удмуртская знать, мусульманское и языческое духовенство. Татарских феодалов и племенную верхушку марийцев и удмуртов не устраивало подчинение русскому царю. Их положение в Казанском ханстве и Российском государстве имело принципиальные отличия. В условиях феодальной анархии, царившей в Казанском ханстве, они чувствовали себя более самостоятельно, царская же администрация требовала от них беспрекословного полного подчинения. Татары и психологически не были готовы признать свое поражение от тех, на кого привыкли смотреть свысока. Не желая повиноваться русскому царю, казанские феодалы говорили: «Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и его князем и воеводам, всегда нас боящимся! Им достоин бо; и лепо есть нам итти владети и дани у них взимати, яко и прежде; оне бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмя тем изначала господие и оне раби наши; и како смеют или могут наши раби нам, господам своим, противитися, многажды им побежденным от нас бывшим? Мы бо искони обладани не быхом никем же, кроме царя нашего, но и служаще ему волны есмя в себе: камо хошем, тамо идем, и ту живем и волею своею служим; и в велицей неволе жити не обыкохом, яко же на Москве у него живут людие,

велики скорби терпяще от него...»⁶⁷. Несмотря даже на большие потери вследствие войны, в Среднем Поволжье оставались тысячи князей, мурз, огланов и казаков, всех тех, для кого война была привычным делом. Татарские феодалы и марийско-удмуртская знать «была народу ближе по крови и понятнее по языку и вере, чем русское дворянство, с оружием в руках пришедшее на их родину»⁶⁸.

Мусульманские и языческие служители культа выступили идеологами сопротивления. Хотя Иван IV и декларировал невмешательство в вероисповедание местного населения, разрушение мечетей, возведение на их месте православных храмов и истребление мусульманского духовенства не могло не вызвать серьезных опасений за будущее ислама и язычества. Лишенное своего привилегированного положения мусульманское духовенство призвало к священной войне – джихаду против неверных. Не отличающийся кротостью ислам стал движущей национально-политической силой. Священный Коран вдохновлял мусульман на борьбу с гяурами. Война с ними являлась одной из основных заповедей мусульманина⁶⁹. Вслед за муллами призвали к войне с христианами языческие марийские и удмуртские карты.

Определенное влияние на разжигание восстания в Среднем Поволжье оказали татарские государства. Ногайский князь Юсуф не скрывал своего недовольства успехами русских. Под Казанью должны были уцелеть остатки из разгромленного ногайского отряда. Крымский хан при поддержке турецкого султана еще до падения Казани предпринимал усилия по установлению своего влияния в Поволжье и противодействию России. Конечно, не нужно преувеличивать роль иностранных государств, скорее всего никаких организованных дей-

твий не велось, вряд ли присутствовала в регионе и иностранная агентура. Правильней будет говорить об ожидании повстанцами политической и военной поддержки от этих стран. С надеждой и подниматься на восстание было легче.

Широко распространенное в советской историографии мнение о том, что основной причиной восстания якобы стал социальный, национальный и культурный гнет при научном анализе не нашло подтверждения. Ни один источник не содержит доказательств этого. Шаблонные повторения утверждений о будто бы имевшемся гнете опираются на два отрывка из «Царственной книги». В первом говорится о том, что отъезжавший в декабре 1552 г. на моление в Троице-Сергиев монастырь Иван IV приказал боярам «без себя о казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети; они же от великаго такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и возжелеша богатества и начаша о кормлениях сидети, а казанское строение поотложиша»⁷⁰. В другом месте летописец сетует: «И за нашу разность и неединомышление, инде же явися и превъзношение и гордые слова: понеже бог милосердие свое показал над Казанью, и в нас явилися гордые слова и высокия и на богатство уклонихомся, а бога о сем не благодарихом, и почали о себе мудри быти и храбри, а строения ни о чем не смышляху, но токмо в гордости своей хваляхомся»⁷¹. Ошибка заключается в неверном истолковании выражения «о кормлениях сидети». Прочитированные отрывки из «Царственной книги» отнюдь не свидетельствуют о беззастенчивом выколачивании «кормов» из населения Среднего Поволжья. Во-первых, жители Левобережья должны были платить «прямые ясаки» непосредственно в пользу феодального госу-

дарства, а не «кормленникам». Население же Правобережья вообще было освобождено от ясака на три года. Во-вторых, воеводская система управления, введенная в Среднем Поволжье, предусматривала полную отмену изживших себя кормлений⁷². В-третьих, приведенные выше летописные отрывки свидетельствуют лишь о том, что покидавший Москву царь дал Боярской думе распоряжение приступить к созданию особого органа управления Казанским краем (будущего приказа Казанского дворца) и оказанию помощи оставленным в Среднем Поволжье гарнизонам. Однако, по словам летописца, этого-то бояре как раз и не сделали, занятые более важным для них делом – распределением кормлений, еще сохранявшихся в центре страны. Вот о каком уклонении на богатство сетует летописец. Следует учесть и то, что содержащиеся в тексте «Царственной книги» нападки на боярство были внесены в виде приписок на полях лично Иваном Грозным или по его прямому распоряжению. Так царь пытался возложить вину за многие собственные просчеты на бояр⁷³. В-четвертых, после взятия Казани не была произведена раздача земель в поместье и вотчинное владение русским служилым людям, что также не давало администрации условий для сколько-нибудь серьезного притеснения местного населения. Не было необходимости и в проведении реквизиций продовольствия и фуража на нужды гарнизонов, ибо, как сообщает А.М.Курбский, в Казани «запасов было всяких множество с русския земли галиями напривожено». По словам князя, даже все войско, участвовавшее в походе на Казань, могло бы кормиться этими припасами до весны⁷⁴. Кроме того, по сообщению Казанского летописца, еще во время операций на Арской стороне русские в селениях татар, удмуртов и марий-

цев «всякого их рухла и скота взяша без числа»⁷⁵. Захваченного скота было так много, что он продавался по бросовым ценам и даже дарился тем же мари́йцам, татарам и удмуртам во время мирных переговоров⁷⁶.

Сбор ясака явился не причиной восстания, как можно подумать, а поводом. Как уже говорилось выше, нормы ясака даже несколько сократили. Уплата его была привычна для населения и символизировала подчинение новой власти. Желавшие сохранить независимость в первую очередь должны были отказаться от его уплаты. Первыми это сделали левобережные мари́йцы.

Опровергают антифеодальный характер восстания и сроки его начала. Восстание вспыхнуло в ноябре 1552 г., вскоре после вывода русских войск из Среднего Поволжья. За несколько недель русского господства не могло установиться никакого феодального угнетения, тем более в национальной и культурной сферах. Социальные возмущения всегда вызревают постепенно и долго и никогда не возникают неожиданно и быстро. Следовательно, восстание 1552–1557 гг., известное еще и как Первая черемисская война, являлось народно-освободительным движением.

Первое сообщение о восстании в Среднем Поволжье поступило в Москву 20 декабря 1552 г. от васьильсурского воеводы. В нем говорилось, «что на Волге побиили гонцов и гостей и боярских людей з запасы луговые люди, да и горние с ними были»⁷⁷. Примечательно, что царю потребовалось издать специальный указ о проведении карательной акции против восставших, сами воеводы были связаны инструкцией и не решались на репрессивные действия. Несомненно, это определялось мирным характером присоединения Горной стороны к России, опасением испортить от-

ношения с местным населением. По приказу царя свияжский воевода Б.И. Салтыков-Морозов произвел расследование происшествия. Сохранявшее лояльность местное население помогло арестовать соучастников нападения из числа соплеменников. Таковых оказалось 74 человека. Часть из них повесили на месте, остальных казнили аналогичным образом возле Свияжска. Имущество казненных было конфисковано и передано «истцам»⁷⁸.

В некоторых исторических работах встречается ошибочное истолкование данного термина и делаются неверные выводы. Под «истцами» подразумеваются те люди, которые помогли отыскать и арестовать участников нападений. Будто бы им в награду за услугу было передано конфискованное имущество. За этим обычно следует вывод о целенаправленной политике царизма по натравливанию одной части поволжского населения против другой по принципу «разделяй и властвуй»⁷⁹. Однако термин «истец» как для XVI, так и для XXI в. остается неизменным и означает лицо, предъявляющее судебный иск в связи с нанесением ему какого-либо ущерба. Разбойные нападения луговых мари́йцев и примкнувших к ним горных людей были квалифицированы царской администрацией не как политическое, а как уголовное деяние. Адекватно совершенному, в полном соответствии с нормами средневекового уголовного права, была и кара. Виновных казнили, а их имущество передали пострадавшим, т.е. истцам. Однако с учетом последующих событий нападения на Волге следует рассматривать как начало народно-освободительного восстания, проявившегося первоначально в форме обыкновенного разбоя.

О второй вспышке восстания сообщил прибывший из Казани в Москву Никита Казаринов. Он доложил, что «Тугаевы дети с товарищи», собрав на

Арской стороне отряд единомышленников, «хотели лихо чинити», однако направленный против них отряд во главе с мурзой Камаем и им, Никитой Казариновым, разгромил мятежников, 38 пленных повесили возле Казани⁸⁰. Это выступление больше напоминает мятеж оппозиционных татарских феодалов, который не был поддержан народными массами, и по этой причине царской администрации без труда удалось его подавить.

Тот же Казаринов сообщил, что сразу же после наведения порядка начался сбор ясака с населения Арской и Побережной сторон и завершил свой доклад известием, что «дети боярские ясаки собрали сполна, и привезли к воеводам, а на Луговую послали же»⁸¹. Это известие позволяет высчитать, когда началось восстание. Если сложить затраченное время на путь от Казани до Москвы (приблизительно две недели), и время, которое понадобилось на подавление мятежа «Тугаевых детей» и сбор ясака, то начало восстания следует отнести к концу ноября или даже ранее.

Никита Казаринов отбыл в Москву еще до возвращения сборщиков ясака с Луговой стороны и поэтому не знал, что обстановка в крае резко изменилась в худшую сторону. Луговые маришцы отказались от уплаты ясака и убили сборщиков Мисюрю Лихорева и Ивана Скуратова. Расправа со служилыми людьми послужила сигналом к восстанию и положила конец имевшимся сомнениям и разногласиям среди маришцев.

Взявшись за оружие, маришцы перешли к активным действиям, вторгнувшись на Арскую и Побережную стороны. Местное татарское и удмуртское население сразу же присоединилось к восстанию.

Характер и движущие силы в повстанческом движении претерпели изменения. Восстание, начавшееся

как выступление небольшой группы татарских феодалов и не связанный с ним черемисский грабеж на дорогах, быстро превращается в общенародное освободительное движение, в котором приняли участие все социальные слои маришского, удмуртского и татарского населения.

Русское командование первоначально недооценило степень опасности, угрожающей русскому присутствию в крае. Изначально царские воеводы совершили несколько ошибок. Не была занята засека на Высокой Горе, а она являлась отличной позицией, откуда можно было наблюдать за Казанью и прикрывать Арскую дорогу. Попытка разгрома повстанцев была плохо организована. Воеводы, не располагая данными о противнике и не представляя размаха восстания, недооценили их численность. Против восставших выслали лишь два отряда стрельцов и казаков численностью в 1000 человек, которые действовали, к тому же, несогласованно. Плохо организованный поход закончился катастрофой. Двигавшиеся по разным дорогам русские отряды были окружены превосходящими силами повстанцев и уничтожены по отдельности. Погибло 350 стрельцов и 450 казаков⁸². Успех окрылил повстанцев, инициатива полностью оказалась у них. Поставив под свой контроль все левобережье, они блокировали Казань, вынудив русских сесть в осаду. Казанский летописец записал, что восставшие «хотящи град свой восприяти, не дающе гражаном русином на дела своя из града исходити»⁸³. Положение усугублялось вспыхнувшей в Казани эпидемией, повлекшей случаи смертельного исхода. Однако для взятия укрепленных городов восставшие не имели ни умения, ни соответствующего вооружения и техники. Противостояние обещало затянуться.

Развивая достигнутый успех, повстанцы уже в феврале 1553 г. перенесли боевые действия на Горную сторону. Возглавляемое татарскими феодалами Усеин сеитом (Зен-Зеитом, Зейсетом) и Сарыем богатырем повстанческое войско появилось в окрестностях Свияжска. Против них был направлен «не с великою силою» отряд Б.И.Салтыкова-Морозова, состоявший из детей боярских и горных людей. Однако он не подготовился к операции должным образом, не была учтена многоснежная зима. Погода не благоприятствовала воеводе, выпавший снег сильно затруднял передвижение. Увязших в снегах и выбившихся из сил воинов неожиданно окружили повстанцы, легко передвигавшиеся на лыжах. Царский отряд разбили наголову. В ходе боя погибло 36 детей боярских и еще 50 русских и 170 горных людей, 200 человек попали в плен. В руках восставших оказались и сам воевода Б.И. Салтыков-Морозов, которого как важного пленника отправили «в башкирские улусы, в дальнюю черемису за 700 верст за Казань». Это поражение сковало действия русских на Горной стороне и позволило повстанцам блокировать Свияжск, Васильсурск и начать нападения на муромскую, нижегородскую и вятскую земли, доходило даже до атак на некоторые русские города⁸⁴. Возникла реальная перспектива возрождения Казанского ханства.

Но реставрации Казанского ханства так и не произошло. Этому помешала стойкость русских гарнизонов Казани и Свияжска, выдержавших многомесячную блокаду, и, самое главное, лояльность населения Горной стороны к власти. Горные люди даже оказывали сопротивление проникшим на Горную сторону повстанцам. Восстановление Казанского ханства ничего не могло дать горным людям, а лишь воспроизводило то

положение, которое было ранее, население Горной стороны могло снова оказаться «между молотом и наковальней». Русские тоже не во всем устраивали горных людей, но жизнь под властью русского царя показалась им более привлекательной, чем в составе Казанского ханства. Население получило трехгодичное освобождение от ясака и надежду на политическую стабильность, защиту и законность. Негативные стороны царизма еще не успели проявиться, а с ханской децентрализованной системой власти, с безграничным произволом татарских феодалов и бесконечными разорительными войнами между Москвой и Казанью горные люди были очень хорошо знакомы и не желали возврата к старому. О том, что на Горной стороне не было восстания, подтверждает и отсутствие там карательных операций царских войск. В то же время в источниках содержится немало известий об участии горных людей в боевых действиях против повстанцев. Имеются такие сюжеты и в фольклоре⁸⁵. И это несмотря на то, что после разгрома отряда Б.И.Салтыкова-Морозова в феврале-апреле повстанцы были хозяевами положения – русские отсиживались в городах, а помощь из центра еще не подошла. Сопроотивлением жителей Горной стороны можно объяснить отступление Усеин сеита и Сарыя богатыря при известии о приближении отрядов казаков.

Изначально прослеживается стремление повстанцев к объединению и организованности, планомерным стратегическим и тактическим действиям. Во главе движения становятся татарские феодалы. Повстанцы, несмотря на принесение присяги русскому царю, не считали себя подданными Русского государства и стремились к восстановлению Казанского ханства. Они желали воссоздать присущие этому атрибуты. Не имея возможнос-

ти захватить Казань, в 70 верстах от нее на р. Меше они построили новую, укрепленную рвом и земляным валом столицу, которая стала политическим центром повстанцев. Незавершенность в организации руководства отразилась на стратегии повстанцев. В то время как часть повстанцев осадила города и пыталась поднять на борьбу Горную сторону, что являлось единственным путем к достижению победы, другие отправлялись грабить русские земли, что только распыляло силы, усиливало у российского руководства понимание необходимости ликвидации очага напряженности на востоке страны и не было вызвано военной необходимостью.

Существование у повстанцев организационного начала чувствуется и в попытках получить помощь со стороны. Весной и летом 1553 г. делегации повстанцев направляются в Башкирию и Ногайскую Орду. Если проживавшие в Башкирии восточные мари́йцы присоединились к восставшим, то заинтересованные в русском покровительстве и поддержке против ногайцев башкиры прогнали от себя мурз⁸⁶. Летом три посланца повстанцев во главе с Шибаном появляются в Ногайской Орде. Самым влиятельным из мурз считался Исмаил, к нему и прибыли первым делом посланники. Они «просили у него на княженье сына его Магмед мирзы». В качестве подарка и демонстрации своих успехов они преподнесли Исмаилу доспехи, снятые с плененного Б.И.Салтыкова-Морозова. Исмаил, оставаясь последовательным сторонником Москвы, отказал им «и отпустил их в Казань ни с чем»⁸⁷. Служилый татарин Карамыш Мустояпов, сообщая Ивану IV о результатах этих переговоров, рассказывал: «...которые казанские люди были у него, и он тех людей всех пограбил, и жены и дети у них поотнимал» и угрожал пойти «воевать арских людей»⁸⁸.

Начало восстания беспокоило правительство. Видимо, с восстанием связано поспешное крещение находящихся в плену казанских ханов. Крещение Утемыш-Гирея, получившего имя Александр, состоялось 8 января, а Едигер-Магмета, нареченного Семионом, 26 февраля 1553 года⁸⁹.

Сразу же среагировать на известия о восстании в Москве не могли. В это время в столице происходил династический кризис. В начале марта царь Иван серьезно занемог «тяжелым огненным недугом»⁹⁰. Состояние больного было настолько плохим, что его кончины ждали со дня на день. Встал вопрос о престолонаследии. Часть бояр стояла за родившегося 26 октября 1552 г. сына Дмитрия и целовала ему крест. Другие были против «пеленочника» и хотели поддержать кандидатуру двоюродного брата государя Владимира Старицкого⁹¹. В такой сложной внутривластной ситуации принять меры по оказанию помощи ослабленным и заблокированным восставшим гарнизонам в Поволжье в правительстве не могли.

Успешное развитие восстания создало реальную угрозу потери всех русских приобретений в Среднем Поволжье, восставшим оставалось только выбить русских из городов. В правящих кругах России дискутировался вопрос о целесообразности оставления войск в Казани и Свияжске. Доминировало неверие в возможность удержания Среднего Поволжья. Князь Семен Ростовский во время тайных переговоров с литовским послом заверял его: «...а Казани царю и великому князю не здержать, ужжо ее покинет»⁹². А.М.Курбский пишет, что многие советовали царю: «...да покинет место казанское и град, и воинство христианское сведет оттуда»⁹³. В пользу этого приводился ряд доводов. Война с казанцами уже привела к упадку хозяйства из-за оторваннос-

ти служилых людей от поместий, в Казанском крае часто случались эпидемии, а освоение новых территорий требовало привлечения больших людских и материальных ресурсов⁹⁴. К этому следует добавить, что участие в казанских походах воспринималось без энтузиазма, т.к. они всегда были трудны и часто неудачны. В письме к А.М.Курбскому царь с горечью восклицал: «Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда словно в тяжкий путь отправлялись!»⁹⁵.

Сторонники решительных и жестких мер и, в первую очередь, князь А.М.Курбский, с негодованием отвергли возможность отказа от завоеваний. Преступной представлялась даже мысль об оставлении Казани, под стенами которой было пролито столько русской крови. В своей «Истории о великом князе Московском» А.М.Курбский восклицает: «Добре бывает, кому родити, тому и кормити младенца, или попечение о нем имети, сиречь: кто тружался зело; и болезновать тому достойно и советовати о таких»⁹⁶.

Но и царь покидать Среднее Поволжье, даже имея перспективу тяжелой войны, не собирался. Присоединение Среднего Поволжья было важным шагом в ряду мероприятий Ивана IV, поражение нанесло бы сильный удар по престижу царской власти и государства.

Весной 1553 года на Вятку, Каму и Волгу была послана судовая рать окольного Данилы Федоровича Адашева с детьми боярскими и казаками, которые должны были занять переправы и локализовать восстание. Это сковало действия повстанцев и затруднило их связь с Ногайской Ордой, была снята блокада с Васильурска, Свияжска и Казани. В течение лета заставы уничтожили немало «казанских и ногайских людей, а живых

в Казань к воеводам прислали во все лето 240 человек»⁹⁷.

Одновременно усиливается административная и военная власть в крае. Увеличено количество воевод и численность гарнизонов⁹⁸.

Правительство принимает меры по обеспечению спокойствия на границах и нейтрализации возможных союзников повстанцев. Сложно складывалась обстановка на южных границах, где Турция, Крымское и Астраханское ханства и Ногайская Орда готовились оказать поддержку повстанцам. В Астраханское ханство и Ногайскую Орду было направлено очередное крымское посольство. Девлет-Гирей прислал «с тем, чтобы они все соединячяся воевали царя и великого князя украины». Ногайский князь Юсуф откликнулся на предложение хана и стал уговаривать мурз на участие в совместном походе⁹⁹. Соглашение было почти достигнуто. Посетившие орду служилые татары доносили царю, что князь Юсуф собрал 120 000 воинов. Астраханский хан Ямгурчей вызвался переправить их через Волгу и присоединить отряд в 500 человек. Уже была выслана разведка на реки Хопер и Дон. «И Юсуф приговорил ити ему Крымскою дорогою на Дон. И з Дону ему прити на резанскую украину, как Ока станет». Для похода готовились лошади, верблюды и овцы. У арестованных русских послов Юсуф выспрашивал: «...мочно ли ему Ока перелезчи под Москвою прокормитца»? Однако возникшие между мурзами разногласия и дипломатические усилия России сорвали планы крымского хана. Намерения Исмаила и других мурз не совпадали с интересами Юсуфа. Исмаил заявил князю: «...твои деи люди ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве. И только мне завоеватца, и мне самому ходити нагу. А которые люди учнут мерети, и тем и саванов

не будет»¹⁰⁰. Кочевья Исмаила обычно располагались вблизи Волги и Камы, поэтому у него были более натянутые отношения с казанцами и его людям действительно было ближе ходить с торгом в Москву и Казань, в то время как улусникам кочующего близ Яика князя Юсуфа было удобнее торговать со Средней Азией.

Юсуф пытался войти в союз с Крымом, давнишним противником ногайцев. Исмаил заявил Юсуфу, что к нему будто бы из Крыма прибежал полоняник с известием, «что крымской царь идет на них, и ему затем итти нельзя. А пойдешь дей ты на государеву украину и мне дей против крымсково не стаивати, а пойду дей за Яик». Заявление Исмаила не соответствовало действительности, т.к. он «про крымсково вставил дружечи царю и великому князю». Влияние Исмаила в Орде было весьма велико, а недоверие к крымцам сохранялось столь значительным, что этого было достаточно, чтобы Юсуф отменил поход¹⁰¹. Не стоит сбрасывать со счетов и большую дипломатическую работу, проводимую Посольским приказом, массу подарков, которыми русское правительство щедро одаривало своих сторонников. В Ногайской Орде существовала своя московская партия.

Узнав об отмене ногайско-астраханского наступления и сосредоточении русских войск на Украине крымский хан не рискнул в одиночку нападать на Россию¹⁰². Срыв ногайско-астраханско-крымского наступления стал важнейшей победой русской дипломатии, позволившей надолго нейтрализовать эти страны, расстроить их союз и существенно сократить помощь повстанцам.

С лета шла подготовка к большому походу на восставших. 6 декабря 1553 года рать выступила из Нижнего Новгорода. Уже на месте к войску присо-

единились отряды лояльных горных марийцев, чуваш, мордвы и татар¹⁰³. В последующих операциях против восставших участие горных людей и служилых татар постоянно возрастало. Н.П.Загоскин писал, что «это был поход как бы для нового завоевания»¹⁰⁴. Войско возглавляли лучшие русские полководцы. А.М.Курбский называет И.В. Шереметева мужем zelo мудрым и острозрительным «со молодых лет в богатырских вещах искусным». О других воеводах А.М.Курбский отзывается как о светлых и храбрых и великородных мужах¹⁰⁵. Они участвовали в казанском взятии и были знакомы с условиями предстоящей кампании.

Наступление против повстанцев началось в январе 1554 г. из Казани. Войско было разделено на три корпуса, каждый из которых делился на три полка – большой, передовой и сторожевой. Большие воеводы наступали на Высокую Гору, на Арск и далее к Вятке. На Луговую сторону было послано второе войско. На Побережную сторону в направлении Мешинского городка и к Каме направлялось третье войско¹⁰⁶. 30-тысячному российскому воинству противостояло 15 000 восставших, организованных и вооруженных значительно хуже. По свидетельству А.М.Курбского, войскам пришлось выдержать около 20 ожесточенных сражений, в которых повстанцы «сопротивляющисеша нам крепце». Царским войскам благоприятствовала морозная малоснежная зима, облегчавшая передвижение через леса, болота и реки¹⁰⁷. Во всех битвах повстанцы потерпели поражение. В ходе 10-дневного наступления русские заняли Высокую Гору, Арск и вышли к рекам Нурме, Уржумке. Летописи сообщают, что они «воевали и жгли во всех местах». Понеся значительные потери, повстанцы начали отступление по всем направлениям. Когда посланное на Побережную

сторону войско подошло к столице восставших – Мешинскому городку, большого сопротивления они там не встретили, почти все воинские люди ушли. Русские «город на Меше сожгли и людей в нем немногих застав, побили, и город до основания разорили», укрепления были скрыты. «Окрестные тут села, – бесстрастно продолжает летописец, – все повыжгли и людей повыбили». Далее войско проследовало по Каме на расстояние в 250 верст от Казани «аж до башкирска языка, иже по Каме реке вверх ко Сибири протяжается»¹⁰⁸.

Войско, направленное на Луговую сторону, успешно действовало по рекам Ашит и Илеть, перешло за Уржумку и далеко продвинулось по Вятке «под Вятские волости» за 200 верст от Казани¹⁰⁹.

В результате месячной карательной операции было уничтожено «больше десяти тысящей воинства бусурманского», убит предводитель повстанцев Янчура Измаильтянин, марийский вождь Алека Черемисянин, шесть военных предводителей захвачено в плен. Кроме того, «в полон взяли робят и женок татарского полону осмь (8) тысяч»¹¹⁰. Военные неудачи раскололи повстанцев. Татары и удмурты предпочли прекратить дальнейшее сопротивление. Их предводители Усеин сеит, Таокмыш Шихзяда и Сарый богатырь пришли к воеводам и «за всю Арскую сторону и Побережную доби́ли челом, что им государю дань давать и от Казани неотступным быти и до своего живота; и на том воеводам правду дали». В соответствии с царскими инструкциями, воеводы хорошо встретили лидеров повстанцев. Это ободрило остальных и «многие люди у воевод были и правду давали, арские и побережные, все без выбора»¹¹¹. 25 марта 1554 года русские войска возвратились «во отечество со пресветлою победою и со множайшими

корыстями»¹¹². Сдавшиеся татарские феодалы были выведены из края и помещены в Псковской, Новгородской, Рязанской и Мещерской землях. Большинство впоследствии верно служило царю, наиболее зарекомендовавшие себя смогли вернуться на родину.

Царь Иван высоко оценил результаты похода и послал награды еще находящемуся в походе войску. Все – от воевод до боярских детей – щедро были пожалованы золотыми деньгами¹¹³.

Несмотря на очевидный успех карательной акции, окончательно подавить восстание не удалось. Марийцы не сложили оружие. Их силы не были подорваны, т.к. населенные ими территории почти не подверглись вторжению. Докладывая о действиях войск, воеводы указали, что «не была война вверх по Волге по Кокшагам и по Руткам»¹¹⁴. Марийский край по-прежнему оставался незавоеванным. Вызвала недовольство царя и излишняя жестокость, допущенная воеводами в ходе подавления восстания. В Москве было проведено тщательное расследование обстоятельств и результатов похода. Сам царь принимал участие в допросах пленных. Выяснилось, что произошел отход от царских инструкций, которые «праведные миловати веляше, а злых наказывати». Налицо было продолжение борьбы двух линий в отношении поволжского населения – репрессивной и умеренной. Поход против восставших возглавляли сторонники самых крутых и решительных мер, в результате кровавого погрома жестокому разорению подверглись не только участники восстания, но и мирное население. Царская установка на сочетание военных и умеренных методов в умиротворении края осуществлена не была. Любопытно, что Иван Грозный, которого никак нельзя заподозрить в чрезмерной чувствительности

и человеколюбии, позднее в известной полемической переписке с А.М. Курбским упрекал его: «Какие же светлые победы ты совершал и когда ты со славой одолевал наших врагов? Когда мы послали тебя в нашу вотчину, в Казань, привести к повиновению непослушных, ты, вместо виноватых, привел к нам невинных, обвинив их в измене, а тем, против кого ты был послан, не причинил никакого вреда»¹¹⁵. Однако упреки грозного царя не во всем справедливы. Войска во время зимней кампании 1553/54 г. не имели возможности для разгрома восставших марийцев. Во-первых, наступление вглубь марийских земель стало возможно только после разгрома повстанцев на Побережной и Арской сторонах, со снятием угрозы для Казани и обеспечения тыла. На это потребовалось время. В ходе месячной наступательной операции войска понесли потери и устали, а марийские отряды, отступившие в свои леса, сохранили силы. Во-вторых, наступление против повстанцев велось по трем расходящимся направлениям, что затрудняло возможность взаимодействия. В-третьих, с приближением весны, с неизбежными оттепелями, действовать в незнакомых марийских лесах было бы затруднительно, боеспособность и маневренность войск заметно снижались. Воеводы благоразумно решили не рисковать.

Хотя восстание и не было полностью подавлено, наметился его спад. Еще А.М.Курбский подметил, что «оттуды начала усмиряться и покоряться казанская земля»¹¹⁶. Поражение восставших в ходе боев января-февраля 1554 г. завершило второй этап Первой черемисской войны, характеризующийся наивысшим подъемом, наибольшим количеством участников и самым широким территориальным охватом. В дальнейшем восстание даже в период наивысшей активности

никогда не достигало размаха 1553 – начала 1554 гг. Третий этап восстания был драматической историей отчаянной и ожесточенной борьбы, кровавыми вспышками озарявшей медленное приближение поражения.

Восстание продолжалось, а его центр окончательно сместился на Луговую сторону. Марийцы стали основной движущей силой восстания, а их вожди возглавили сопротивление. Признанным лидером повстанцев выступил сотенный князь Мамич-Бердей, проявивший себя как талантливый организатор, политик и военный предводитель. Ему удалось объединить всех левобережных марийцев в союз, который смог мобилизовать, по свидетельству А.М. Курбского, 20 000 «зело кровопийственных воинов»¹¹⁷.

Весной 1554 года администрация, воспользовавшись некоторым затишьем, предприняла попытку переговоров, пытаясь склонить восставших к прекращению сопротивления и обмену пленными. Особое внимание уделялось освобождению воеводы Б.И.Салтыкова-Морозова. Но ни большой выкуп, ни выгодный обмен пленными не были приняты восставшими, складывать оружие они отказались тем более. Неудача на переговорах продемонстрировала царскому правительству решимость левобережных марийцев продолжать восстание. Необходим был новый поход.

Внешнеполитическая обстановка благоприятствовала России. Из-за внутренних неурядиц крымский хан Девлет-Гирей не имел возможности для активных действий против России¹¹⁸. В Ногайской Орде противоречия между мурзами – сторонниками московской и восточной ориентации – вылились в продолжительную кровопролитную междоусобную войну. Это создавало условия для нанесения удара по самому слабому из возможных участников антирусского союза –

Астраханскому ханству, занимавшему важное геополитическое положение. Контроль над Астраханью позволил бы существенно ограничить возможность общения ногайцев с крымцами. Поход на Астрахань не был обусловлен только интересами русского правительства, к нему, начиная с 1551 г., подбивал Ивана IV враждовавший с астраханским ханом Ямгурчеем ногайский мурза Исмаил. Предполагалось посадить на ханство находившегося на русской службе бывшего астраханского хана Дервиш-Али, приходившегося Исмаилу племянником. Исмаил выражал готовность принять самое активное участие в походе на Астрахань¹¹⁹. Осенью 1553 года между Иваном IV и мурзой было достигнуто соглашение: «царю и государю великому князю послати Дербыша царя на Асторохань да воевод своих в судех Волгою многих и с нарядом, а Исмаилу быти полем или детей и племянников своих послати ко Асторохани». Тогда же договорились и о выступлении Исмаила против князя Юсуфа «войною за то, что он царю и великому князю не прямит»¹²⁰.

Пользуясь тем, что наиболее могущественные противники были нейтрализованы, царь послал по Волге 30-тысячное войско во главе с князем Юрием Ивановичем Шемякиным-Пронским. 29 июня оно достигло границ ханства в районе Переволоки. Тут оно должно было объединиться с конницей мурзы Исмаила, но ногайцев на условленном месте не оказалось. Противоречия в Орде поставили братьев на грань войны. Исмаил писал царю, что «ко Азсторохани ему не возможно идти, потому что з братом завоевался...»¹²¹. Прибывшему к нему послу Микуле Бровцыну Исмаил говорил, «что ему не до Астарахани, до себя» и советовал отменить поход. Готовую вспыхнуть междоусобную войну всеми силами пытался остановить

крымский посол Тогонаш¹²². На его глазах рушилась надежда на создание антирусской коалиции мусульманских государств. С большим трудом конфликт удалось на время предотвратить, но Юсуф не смог помешать русским занять Астрахань. 2 июля город был занят без боя, астраханцы разбежались, едва увидев русских. В руки русским попала богатая добыча, включая пушки и пищали. Хан Ямгурчей бежал в Азов. Новым ханом в Астрахани был посажен московский ставленник Дервиш-Али (1554–1556)¹²³.

Хан и вернувшиеся астраханцы принесли присягу на верность русскому царю. Астраханское ханство признало протекторат от Москвы и обязалось платить дань. При хане советником оставили Петра Тургенева с отрядом казаков¹²⁴.

Крымское влияние в регионе уменьшилось, а зависимость ногайцев от России возросла. Это обстоятельство в значительной мере способствовало усилению противоречий в Ногайской Орде. В январе 1555 года Исмаил писал в Москву: «А брат мой старшей взбрал на меня про то, што язъ с тобою поусловился»¹²⁵. Весьма интересное объяснение перехода ногайцев на сторону русского царя имеется в наказе русскому послу в Литву Федору Васильевичу Вокшерину. Он должен был объяснить литовцам, что после взятия Астрахани ногайцам невозможно зимовать вблизи этого города «не приложась ко государю нашему...», ногайцы всегда кочуют врозь и служилым людям в случае их неподчинения потребуется всего неделя, чтобы захватить всех поодиночке¹²⁶. Исмаил и его сторонники, чувствуя русскую поддержку, решительно выступили против князя Юсуфа. Междоусобная война была ожесточенной и длительной. Юсуф погиб, но борьбу продолжили его сыновья. Она принесла ногайцам неисчислимые бедствия.

Служилый татарин Сююндук Тулусупов сообщал, что «людей ногайских на обе стороны многое множество побито: как и стала орда Нагайская, таковой падежи над ними не бывало»¹²⁷.

Летом 1554 года была предпринята попытка нанести поражение левобережным марийцам. Против них послали только что присягнувших татар и удмуртов во главе с князем Кебеньком и мурзой Кулаем. Еще были приданы отряды из горных марийцев и чувашей. Для контроля послан Никита Кушелев. Однако эксперимент не удался, попытка подавить восстание исключительно силами местного населения провалилась, «казанцы солгали, царю государю изменили, на изменников не пошли, сложася с ними». В этих событиях примечательно то, что на сторону восставших перешли только татарские феодалы и казаки, крестьянство же отказалось участвовать в мятеже. За что мятежники «тех арских людей черных, которые государю прямы были, побили многих»¹²⁸. Интересы феодальной верхушки и крестьянства начали расходиться. По сути, произошел мятеж татарских феодалов, который не поддержало крестьянство. Это и предопределило его поражение.

Неудачная попытка Глинского покончить с повстанцами привела к дестабилизации положения в крае. Отряды восставших подступали к Казани, и «приходить начали на сенокось», продвигались по Арской и Побережной сторонам, на Каме были побиты русские рыбаки¹²⁹.

О новой вспышке восстания скоро узнали за границей. Находящемуся в сентябре в Польше русскому послу Ф.В.Вокшерину задавали вопрос: «Казань от вашего государя опять отложилась?» Посол должен был скрывать истинное положение дел, поэтому отвечал: «Гораздо говорите; которые люди побиты, те ся отложи-

ли, назад им не бывати, которые ж не побиты, и яз тех ведаю, что государю дань дают. А то нам о ваших речах диво, кому ся откладывати, ведь остались одни черные люди да казаки, а князи и мирзы и болшова человека никакова нет, все побиты»¹³⁰.

Посол лукавил и предвосхищал события, но оказался прав. В октябре из Казани поступило сообщение о существенном улучшении ситуации в крае. Против восставших было направлено войско, состоявшее преимущественно из лояльных правительству татар под руководством князей Еналея Чигасова и Еналея Моматова (Монатова). Однако на этот раз к нему были присоединены значительные по численности отряды стрельцов во главе с Афанасием Бортневым и Иван Мохнев с «жилци казанскими», а также новокрещены. Русская администрация стремилась замирить край прежде всего силами самих же казанских людей. Не имея поддержки населения, восставшие быстро потерпели поражение: «побили изменников наголову». Князя Кебеньяк, Курман-Али, мурза Кулай Данин и Чебак Базтаргаев (Батаргаев) и многие другие мятежные князья, мурзы, огланы, казаки и сотные князья были захвачены в плен, «и воеводы их велели всех побити». Сами «арские люди и побережные переимали многих татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами». За осень 1554 года было уничтожено 1560 князей, мурз, сотных князей и лучших казаков, после чего «все укрепилися у государя и ясаки все сполна поплатили»¹³¹. Это избиение нанесло невосполнимый урон классу татарских феодалов, от которого он уже не смог оправиться.

Советские историки описанные события интерпретировали как классовую борьбу, утверждая, что народ

поднялся на борьбу не только против феодальных порядков Русского государства, но и против своих собственных феодалов¹³². Конечно же, никакого антифеодального восстания не было. Мотивы поведения татарских и удмуртских крестьян были совсем не классовые. Они сильно пострадали во время зимнего похода и не хотели повторения. Их территории находились недалеко от Казани и были уязвимы. В отличие от князей и мурз, крестьяне меньше теряли в случае покорности, у них не было власти и богатства, а желанная независимость стоила очень дорого. Мусульманские государства не оказывали помощи повстанцам, а мариинцы всегда могли отступить в свои леса и болота, и татарским крестьянам пришлось бы иметь дело с карателями. Влияние промосковских настроений в крае усилилось, а террор восставших князей против нежелавших примкнуть к ним «черных арских людей» обострил отношения между местным населением и повстанцами. Исчезло прежнее внутреннее единство. Восставших князей, мурз и огланов поддержали только казаки, и то не все, а только «лутшие» и верхушка удмуртской родовой знати – «сотные князья». Восстание на Арской и Побережной сторонах летом и осенью 1554 г. является феодальным мятежом. Обращает на себя внимание и то, что крестьяне выступали не против феодального класса как такового, а только против тех, «которые не прямили государю». Разделение населения Среднего Поволжья в ходе восстания произошло не по классовому или этническому признаку, а по политическому. Представители знати и крестьянства были как среди повстанцев, так и среди поддерживавших царскую власть. Осенью 1554 года гражданская война в Среднем Поволжье приобрела законченную форму. Царь поощрил тех, кто остался ему

верен, «тем татаром, которые прямо служат государю» были пожалованы золотые монеты¹³³.

Осенью 1554 г. русское правительство направило усилия на устранение оппозиционной феодальной и родовой верхушки поволжских народов как самой активной и организующей силы восстания. Интересный факт, позволяющий лучше понять царскую политику, сообщает немецкопричник Г. Штаден. В своем сочинении он пишет, что «русские воеводы завязывали дружбу с некоторыми татарами, звали их в гости и дарили их золотыми вещами и серебряными чарками, как если бы эти татары были высокого рода или чина, и отпускали их обратно в их земли, с тем, чтобы они показывали другим подарки великого князя – тем, которые не думали даже подчиняться великому князю, а не то, чтобы служить ему. Видя, однако, что их людям даже и много более низкого происхождения, нежели они, выпала такая великая честь и подарки от воевод и начальных людей, знатные татары думали, что они получают еще больше. На это и рассчитывали начальные люди в Казани... Они послали просить к себе всех знатнейших мурз-князей... пусть те придут и получают милость и подарки великого князя. Знатнейшие мурзы пришли в Казань, были хорошо приняты и думали, что им будет то же, что и их предшественникам, что, получив подарки, они смогут вернуться домой. Но, когда они, выпив слишком много вина и меда, – к чему не так они были привычны, как русские, – достаточно опьянели, пришло несколько сот стрелков и перестреляли этих татарских гостей, которые у себя были самыми знатными»¹³⁴. Политика царского правительства была не только жесткой, но и коварной – в борьбе с врагами хороши все средства.

Однако операции против восставших и на этот раз не затронули марийцев. Из Казани сообщали, что «Мамич-Бердей с товарищи в город не пошли и воруют по-старому на Волге, приходя на суды»¹³⁵. Восстание продолжалось.

В сентябре в Москве был составлен разряд нового зимнего похода «в Казанские места черемисы воевать на Луговую сторону в Кокшагу». В походе приняли участие служилые татары и мордва. Городецких татар возглавляли Федор Васильевич Сисев и мурза Ак-Сеит, касимовские татары шли в поход во главе с князем Араем, темниковскую мордву возглавлял князь Еникей Тенишев, служилых татар вел Темка Федорович Игнатьев. 6 декабря 1554 г., в Николин день, войско выступило из Владимира в Казань¹³⁶.

В январе 1555 года царские войска через замерзшие реки и болота вторглись вглубь марийских земель. Придя «в волость в Ошлу», воеводы направили в различные стороны три войсковые группы, каждая из которых разделялась на три полка. На этот поход, несомненно, возлагались большие надежды. Летописец даже подробно перечислил все марийские волости, подвергшиеся разорению. Так, он пишет, что «была война в волостях в Шумурше, да в Хозякове да в Ошли да в Мазарех в обоих, да в дву волостех во Оршах, в Малой да в Большой, да в Биште да в Кукшуле, в Сороках Куншах, да Василикуове беллаке да Мамич-Бердеевы волости да Килееву волость да Кикину волость да Кухтуял Кокшах, в Большой да в Малой, и волость Сызал да Дмаши да Монам да Кемерчи да Улыязы. И в тех во всех волостех от воевод война была, и многих людей поимали и побии». Воеводу И.П. Хирона-Яковлева «отпускали по государеву наказу в Ветлугу и в Руткы». На Ветлуге, воспользовавшись отрывом сторожевого

полка В.И. Токмакова-Ноздреватого от основных сил, восставшие предприняли нападение, однако воевода сумел не только отразить атаку, но и разбить их¹³⁷.

Две недели русские войска опустошали марийские земли, разорив 22 волости. Однако желаемого результата экспедиция не принесла, применяя партизанскую тактику, марийцы уклонялись от столкновения с превосходящими силами противника и отступали в ветлужские леса.

В целом же марийцам удалось сохранить свои силы и на этот раз. Уже в феврале того же года они предприняли ответное нападение на Арскую сторону, намереваясь поднять на восстание татар и удмуртов, однако те укрылись вместе с русскими стрельцами в острогах и «от них отбились». Меткая пищальная стрельба вырвала из рядов марийцев немало воинов. Озлобленные неудачей и в большей степени тем, что татары не только не присоединились к ним, но и помогали русским, «луговые воевали села татарские и пошли на Луговую». Отступить их заставил и успешно проведенный рейд Федора Баскакова, который во главе отряда лыжников из 700 горных людей со стороны Свияжска неожиданно проник в глубокий тыл повстанцев. «Повоевав, людей побии и в полон поимали и животину побии и пришли дал бог здорово»¹³⁸. Разъяренные неудачей повстанцы расправились с пленными, был зарезан и томившийся два года в плену Б.И.Салтыков-Морозов¹³⁹.

Весной и летом 1555 года активных боевых действий не велось, но марийцы продолжали нападать на коммуникации. Русский посланник в Литве Совлук Турпеев признавал, что «лесные люди на дорога приходя розбивали, и тех сыскав казанские воеводы казнили»¹⁴⁰.

Воспользовавшись относительным затишьем в крае, царское правительство провело целый комплекс мероприятий по упрочению своей власти. В первую очередь начали с укрепления позиций церкви. В январе 1555 года крестили сидящих по тюрьмам пленных казанских татар, тех, «которые не захотели креститься, ино их метали в воду»¹⁴¹. Тогда же в Москве состоялся Священный Собор, на котором присутствовали высшие иерархи церкви и сам царь. На соборе приговорили основать в Казани новую епархию. 3 февраля архиепископом туда был избран игумен Селикарова монастыря Гурий¹⁴². Отправляя Гурия в Казань, царь существенно урезал полномочия воевод, в частности, их власть над нерусским населением. Интерес представляет выданная при отъезде Гурия царская инструкция. Часть наказной грамоты посвящена отношению с местным населением. Гурию предписывалось обращать нерусское население в православие, «новокрещеных всегда поучати страху божию, и к себе приучати, и кормити, и поити, и жаловати, и беречи во всем», для того чтобы «прочии, видя невернии таковое благочестие и брежение и жалование новокрещенным, поревнуют христьянскому праведному закону и просветятся святым крещением». Разрешалось крестить только тех татар, которые пожелают это сделать «своею волею, а не от неволи», при этом «лутчих держати у себя..., а иных роздати крестити по монастырем». Новокрещеных архиепископ должен был «звати к себе ясти почасту, а поити их у себя за столы квасы, а после стола посылати их поити медом». Челобитчиков из татар также нужно было встречать ласково и, накормив, «кротостию с ними говорити и со умилением, а жестостию с ними не говорити». Цель была та же: «приводити их к крестьянскому закону». Царь

давал Гурию право освобождения от наказания в случае крещения: «а которой татарин до вины дойдет и убежит к нему от опалы, от каковы нибудди, и похочет креститься, и ему того воеводам назад никак не отдавати, и крестити его». В случае ненадежности новокрещена его необходимо было отправить к государю, т.е. выслать из края. Архиепископ также должен был «отпрашивати» и тех татар, которых воеводы приговаривали к казни. Воеводы должны были сообщать о татарах, на которых «будет у них опала невелика», но которых они захотят «острасити казнию, а до казни не дойдут». Архиепископу рекомендовалось «тех от вины отпрашивати, хоти ему от них и челобитья не будет». Задача, поставленная перед Гурием, формулировалась так: «всякими обычай, как возможно, так архиепископу татар к себе приучати и приводити их любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити»¹⁴³.

Новой архиепископской кафедре жаловались обширные земельные владения в Казани в Свяжске и их окрестностях¹⁴⁴. С.М.Каштанов делает вывод о том, что «церковно-монастырское землевладение внедрялось там, откуда удобнее всего было наступать на Казань», чтобы устранить возможность «найти здесь опору при попытках захвата Казани»¹⁴⁵.

На Горной стороне, на берегу Волги между Свяжском и Васильсурском, на месте чувашского поселения основывается город Чебоксары. Необходимость строительства новой крепости диктовалась тем, что повстанцы успешно действовали на Волге – важнейшей коммуникации, связывающей завоеванный край с Москвой, – и не прекращали попыток проникнуть на Горную сторону и спровоцировать там восстание. По пути в Казань архиепископ Гурий освятил строящийся новый город¹⁴⁶.

В 1555 г. признали власть царя западные башкиры¹⁴⁷. Они были заинтересованы в русском покровительстве и защите от ногайцев и сибирцев. Вплоть до 1580-х гг. Башкирия находилась лишь в номинальной зависимости от России. Ясак, который оттуда получался, являлся не формой налогообложения, а юридическим признанием подданства¹⁴⁸.

В том же году в расчете на русскую поддержку против многочисленных врагов признал вассальную зависимость сибирский князь Едигер, находившийся в тот момент во главе Сибирского ханства¹⁴⁹.

Сложно складывалась обстановка на юге, где сыновья погибшего ногайского князя Юсуфа наступали на русского союзника Исмаила, а астраханский хан Дервиш-Али вступил в сговор с крымцами¹⁵⁰. Русские в Астрахани подверглись нападению и вынуждены были покинуть город.

Мамич-Бердей настойчиво искал союзников в Поволжье и за его пределами. Он понимал, что без помощи извне ему не изгнать русских захватчиков. От ногайцев ему удалось добиться направления к восставшим царевича Ахполбея, с которым прибыло 100 ногайских воинов. Впоследствии этот отряд вырос до 300 человек¹⁵¹. Приглашением царевича Мамич-Бердей, видимо, рассчитывал привлечь к восстанию татар и получить поддержку от мусульманских государств. Царевича предполагалось провозгласить ханом в освобожденной Казани.

Осенью и зимой между Девлет-Гиреем, Дервиш-Али, ногайским мурзой Юнусом, его братьями и представителями повстанцев из Среднего Поволжья велись переговоры о совместном выступлении против России¹⁵². В Москву поступали известия о готовящемся крымском вторжении¹⁵³.

Ободряла противников России и безрезультатность действий русских

войск против поволжских повстанцев. 8 сентября был составлен разряд «воевать луговой черемись». Против повстанцев направили неоднократно воевавших с черемисами А.М.Курбского и Ф.И. Троекурова¹⁵⁴. Поход не принес победы. Мамич-Бердей сумел уклониться от столкновения с царскими войсками.

Принимаются меры для изоляции высланных из края неблагонадежных татар от связи с повстанцами. В феврале 1556 года в новгородские монастыри послали наказную грамоту, требующую строго «беречи казанских татар и новокрещенов», чтобы «воровства б от них не было никакого»¹⁵⁵.

Начавшемуся в феврале 1556 г. наступлению повстанцев предшествовала большая подготовительная работа, поэтому при появлении марийских отрядов на Арской и Побережной сторонах татарское и удмуртское население перебило стоящих гарнизонами стрельцов и присоединилось к восстанию¹⁵⁶. К сожалению, дошедшие до нас источники не дают объяснения причин присоединения к восстанию населения Арской и Побережной сторон. Действия татар и удмуртов тем более непонятны, если учесть, что перед этим они два года сохраняли лояльность в отношении правительства и даже воевали против луговых марийцев. Вне всякого сомнения, здесь не обошлось без деятельности марийской, ногайской и крымской агентуры. Видимо, использовались уговоры, подкуп, провокации и угрозы. Однако основная причина присоединения татар и удмуртов к восстанию видится в ином. За два года подчинения царской администрации крестьяне с лихвой испытали на себе все тяготы произвола и злоупотреблений чиновных и служилых людей, получивших такое широкое распространение в России, что даже возникла угроза успеху правительственного курса. На-

ходившиеся в крае служилые люди в массе своей были сторонниками жестких карательных мер в отношении коренного населения, далекими от понимания принципов государственной национальной политики, более всего заботившиеся о своекорыстных интересах. Из-за продолжительной службы, нерегулярной и неполной выплаты жалованья многие служилые люди находились в сложном материальном положении¹⁵⁷. В ходе военных действий дворяне могли восполнить недостачу за счет трофеев и продажи пленных, однако в условиях мира открыто грабить было нельзя, и многие служилые люди прибегали к разного рода вымогательствам и произволу в отношении коренного населения. Из-за недостаточной дисциплины администрация не всегда могла, а порой и не хотела пресекать самоуправство, на местное население смотрели как на врагов. Недовольство населения постепенно накапливалось и, наконец, вылилось в восстание, которое по своим мотивам уже можно отнести к антифеодальным.

Поставив под контроль Левобережье и блокировав Казань, Мамич-Бердей в марте 1556 г. с войском в 2000 воинов пришел на Горную сторону, осадил одно из городищ и стал склонять горных марийцев и чувашей к участию в восстании. Сотник Алтыш притворно изъявил согласие. Однако когда потерявший бдительность Мамич-Бердей в окружении 200 своих сторонников прибыл на пир, их напоили и устроили резню. Мамич-Бердей был схвачен, и 21 марта сами горные люди привезли его в Москву. Поимка руководителя повстанцев вызвала всплеск воодушевления в русской столице. На допросах прославленного марийского вождя присутствовали многие бояре, в том числе А.М. Курбский и сам царь Иван IV. О дальнейшей судьбе Мамич-Бердея ничего не

известно. Возможно, этот незаурядный человек был казнен или замучен палачами в застенках. Не исключено, что мог быть крещен, получил другое имя и служил на западных границах. Такая практика в отношении пленных врагов имела распространение у русского правительства. Что касается Алтыша и его людей, то Иван IV по достоинству оценил их услугу. Летописец сообщает, что «царь и государь горных людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошлин полегчил»¹⁵⁸.

В ходе допросов Мамич-Бердея вскрылась история взаимоотношений марийцев и приглашенного из Ногайской Орды царевича Ахполбея. Он был весьма заурядной личностью и ничего примечательного не сделал. Вопреки зафиксированному в летописи имени Ахполбея историки стали называть царевича Али-Акрамом – братом казанской царицы Сююмбике и сыном ногайского князя Юсуфа. Видимо, первым ошибочную идентификацию этого человека сделал М.Г. Худяков в своей знаменитой книге «Очерки по истории Казанского ханства»¹⁵⁹. Впоследствии эта ошибка от многократного повторения получила широкое распространение в исторической литературе¹⁶⁰. При этом никто не обратил внимания на то, что мурза Али не был Чингизидом, т.е. прямым потомком Чингиз хана, и поэтому ни при каких обстоятельствах не мог быть царевичем, ни тем более ханом. Правители Ногайской Орды вели свой род от князя Едигея и всегда именовались только князьями и никогда не претендовали ни на казанский, ни на астраханский престол. Ошибка М.Г. Худякова, вероятно, связана с тем, что есть сведения о выезде мурзы Али б. Юсуфа на помощь казанским повстанцам. 26 декабря 1553 года к Ивану IV из Ногайской Орды вернулся служилый татарин Де-

влетхозя Резанов, который в докладе Посольскому приказу сообщил, что «к Юсуфу приежал ис Казани Кулай князь. А просил у князя сына его Али мирзы на княженье. И Юсуф де был его отпустил да опять велел воротити. А того не ведает за че его воротил»¹⁶¹. В.В. Трепавлов обоснованно полагает, что Юсуф сначала поддался на уговоры казанцев, но потом одумался и не захотел посылать сына на верную смерть. Возможно, не обошлось без Нурадина Исмаила, который всегда расстраивал антирусские акции своего брата¹⁶². Кроме того, приглашенный мари́йцами царевич Ахполбей погиб в самом начале 1556 г., а мурза Али продолжал здравствовать и позднее. В 1556–1557 гг. он активно участвовал в политической жизни орды и даже писал письма Ивану IV¹⁶³. После 1557 года имя Али б. Юсуфа не упоминается. Схоронен он в месте традиционного погребения ногайской знати в г. Сарайчике¹⁶⁴.

Судьба же царевича Ахполбея, как уже указывалось выше, была трагична. Степные наездники не вникли в ситуацию и не уяснили, какое место занимали мари́йцы в Казанском ханстве, поэтому относились к ним как к подвластному оседлому народу, занимались бесчинствами и грабежами. Однако более всего мари́йцев возмутило уклонение ногайцев от участия в боевых действиях. Когда зимой 1555/56 г. русские предприняли очередной поход против повстанцев, они не смогли удачно противостоять им¹⁶⁵. Это переполнило чашу терпения и вызвало восстание мари́йцев. Они перебили незадачливых союзников и отрубили голову царевичу Ахполбею. Приказав водрузить ее на кол, Мамич-Бердей произнес: «Мы было взяли тебя того ради на царство, с двором твоим, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько волов и коров наших

поел; а ныне глава твоя да царствует на высоком коле»¹⁶⁶.

Полного успеха добились русские войска на Нижней Волге. Астраханцы и крымцы покинули город, и Астрахань вновь удалось занять без боя. Рассеявшиеся по степям и островам астраханцы постепенно возвратились в город и признали власть русского царя. Астраханское ханство перестало существовать¹⁶⁷.

На 1556 год приходится максимальное участие в боях на стороне Москвы народов Среднего Поволжья. Чуваши, мордва, горные мари́йцы и татары внесли существенный вклад в подчинение края Московскому государству. По писцовой книге г. Казани 1565–1568 гг. известно, что в Татарской слободе имелось 150 дворов, в которых проживало до 6000 татар и чувашей. Это были сторонники администрации, на которых опиралось царское правительство в борьбе с повстанцами. «В заворошню» (во время восстаний) татары и чуваше укрывались в Татарской слободе. Возле города им были выделены покосы. Писцам они заявляли, «что им дано тут косити на убог для того, коли на них приходят воевати кокшайские и луговая черемиса»¹⁶⁸. Особой социальной группой были новокрещены, по большей части из татар. Крещеные татары после смены веры оказывались в лагере Москвы. Появление вольных или невольных сторонников русского правительства стало закономерным следствием политики Москвы по привлечению поволжского населения на свою сторону. Известно о сложных отношениях новокрещеных и служилых татар с противниками новой власти. Степенная книга повествует об арском крещеном татарине по имени Стефан. Единоплеменники «много увещевающее его и укаряюще и претящее, развращающее его отступить от веры христианьския». Затем

«сурово нападоша на нь и всяцем оружии немилостливо изсекоша тело его и кости его надробно разметаша и дом его пограбиша»¹⁶⁹.

В апреле казанский воевода П.В. Морозов во главе детей боярских, казаков, стрельцов, служилых татар и новокрещенов предпринял поход на Побережную сторону и занял Чалымский городок, служивший центром повстанцев, перебил защитников и сжег его. В мае этот же воевода совершил поход на Арскую сторону. На Меше произошла встреча с войском восставших, которым руководил мурза Девляк Данин – брат погибшего в 1554 г. мурзы Кулая Данина. С ними вступили в бой П.Г. Засекин и Р. Пивов с детьми боярскими, стрельцами и новокрещенами. Служилых татар возглавляли уже зарекомендовавшие себя как верные сторонники царя Еналей Чигасов и Еналей Моматов. Повстанцы потерпели сокрушительное поражение, многие были захвачены в плен, в том числе и их предводитель мурза Девляк. «И после того Петр воевал десять ден и все Арские места повоевал и побил многих людей и полону вывел безчисленно много»¹⁷⁰.

В июне воеводы П.В. Морозов и Ф.И. Салтыков совершают новый поход на Арскую сторону. Боевые действия на этот раз происходили за Арском и реками Ашит и Уржумка. Преследуя восставших, войска продвинулись так далеко, что всего лишь 50 верст не дошли до г. Вятки, и «воевали безчисленно много и полон имали, женки да робят, а мужиков всех побивали». Повстанцы терпели поражение за поражением, но отчаянно сражались. Потребовался еще один удар по Арской и Побережной сторонам, чтобы сломить сопротивление. Русские воины и их поволжские союзники во «многих местех воевали и побивали, и Арскую сторону и Побережную до конца в нуже учинили»¹⁷¹.

Систематические походы правительственных войск, сопровождавшиеся тотальным разорением, привели к тому, что к осени восставшие татары и удмурты сложили оружие и боевые действия были перенесены на марийские земли. Марийцы вновь остались без союзников, к тому времени понесли существенные потери и лишились своего авторитетного предводителя Мамич-Бердея. Однако, теснимые со всех сторон, продолжали отчаянно сопротивляться объединенным силам могучего государства и его союзников из поволжского населения и даже предпринимали дерзкие набеги вглубь русских земель. Так, зимой 1556/57 г. один из марийских отрядов пытался захватить Солигалич. Город взять не удалось, но Воскресенский монастырь был сожжен, а его монахи перебиты¹⁷². Подвергались многочисленным вторжениям нижегородские земли. В Унжеском уезде марийцами были перебиты русские крестьяне¹⁷³.

В апреле 1557 года марийцы предприняли последнюю отчаянную попытку перехватить инициативу. Их отряды начали вторжения на Арскую и Горную стороны, однако все они были отбиты с большим уроном. На Горной стороне Иосифом Ковровым, командовавшим отрядом детей боярских, стрельцов и горных людей, был разгромлен отряд Ахмачека (Ахматека) богатыря, возглавлявшего после пленения Мамич-Бердея марийских повстанцев. Сам он попал в плен. Ответные удары правительственных войск и их союзников привели к полной потере восставшими возможности для дальнейшего сопротивления. Истощив свои материальные и людские ресурсы, марийцы вынуждены были в мае 1557 г. прекратить сопротивление и прислать к русским воеводам своих парламентаров. Сотники Абыз, Енебяк, Мамич-Бердеевы дети и другие вожди били челом царю «о

своих винах, чтобы государь пожаловал их, вину их отдал и учинил в холопстве, как и горных людей, и ясаки велел имати, как прежние цари имали». Иван IV с готовностью согласился на предложения марийцев. Для приведения их к присяге из Москвы прислали стряпчего Семена Степановича Ярцева. В Свияжск для принесения присяги прибыл сотник Абыз «с товарищи», в Казань пришел «Енебьяк с товарищи... и за свои вины добились челом». В Чебоксарах принесли присягу Мамич-Бердеевы дети и сотник Кака. Для приведения к присяге «черных людей» были отправлены Данила Чюлков и Образец Рогатов «и черные люди все правду дали». Вожди Казимир, Кака и Янтемир «с товарищи» ездили в Москву для челобитья непосредственно Ивану IV. «И царь и великий князь их пожаловал, вины им отдал и грамоту жаловальную дал, как им государю вперед служить»¹⁷⁴.

Подавление восстания 1552–1557 гг., вошедшего в историю как Первая черемисская война, позволило России окончательно включить все Поволжье в свой состав. Победа далась нелегко. А.М. Курбский в своих воспоминаниях отмечал: «...толикое множество в то время погиге войска христианского, биющяся и воющяся с ними безпрестанно, иже вере неподобно»¹⁷⁵. Восстание было народно-освободительным по своему характеру, и все русские воспринимались как враги, по этой причине пострадало немало крестьян, монахов и прочих русских людей, не имеющих к войне отношения. Несравненно больший урон понесли народы Среднего Поволжья. Ожесточение дошло до того, что в восставших районах каратели выжигали селения, нарушали хозяйство и убивали все взрослое мужское население, а женщин и детей уводили в плен и обращали в холопов. После прекращения военных действий была

проведена перепись. К сожалению, ее результаты приводит только Казанский летописец: «И сосчиташа же сами себя изоставшиися казанцы и черемиса всех побитых своих во взятие казанское, и преже взятия и по взятии, татар и черемисы, во граде и в острогах, и в полон сведенных, и от глада умерших, и мразом измерзших, и всячески и везде побитых, ведомых ими и писанных, кроме неведомых и неписанных 757 270»¹⁷⁶. Однако приведенное число явно завышено. Скорее всего, автор «Казанской истории», для того чтобы поразить воображение читателей, произвел обычное в период Средневековья в среде летописцев десятикратное увеличение. Если наша догадка верна, то потери марийцев, татар и удмуртов погибшими, уведеными в плен и пропавшими без вести за период Казанской и Первой черемисской войн равняются 75 727 человек. Сюда же, видимо, включены и потери поволжских жителей, сражавшихся на стороне правительственных войск. Необходимо еще прибавить как минимум несколько тысяч «неведомых и неписанных».

Причины поражения восстания 1552–1557 гг., или Первой черемисской войны, заключаются в следующем. Начиная с зимы 1553/54 г. против восставших направлялись правительственные войска, превосходившие их в силах в 2–4 раза, во главе с лучшими русскими полководцами. Повстанцы были хуже вооружены и не могли противостоять пушкам и пищалам. Они с успехом применяли тактику партизанской войны, устраивали засады, но в открытых полевых сражениях с царскими войсками терпели поражения. Стрельцы успевали из пищалей расстрелять атакующих повстанцев до того, как те могли вступить в ближний бой. Повстанцы не умели захватывать города, ставшие опорными пунктами царской администрации,

в то время как свои городки долго удерживать у них тоже не получалось, их укрепления быстро разбивались артиллерией. На распространение восстания и его успешность серьезно влияла неспособность повстанцев контролировать крупнейшие реки, на которых полными хозяевами были русские судовые рати, блокировавшие районы восстания и мешавшие связям с союзниками.

Поражению восстания способствовала ликвидация оппозиционной феодалной верхушки и авторитетных племенных вождей. Представители власти заявляли, что «казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися, а черные люди все с одного в холопстве учинилися»¹⁷⁷. Казанский летописец, сообщая о потерях повстанцев, говорит: «Мало же их живых остава во всей земли Казанской, и разве простых живых людей и худых и немощных и убозех земледелец»¹⁷⁸. Конечно, автор не обошелся без традиционных в летописании приемов преувеличения и усугубления. Однако факт ликвидации большей части знати не вызывает сомнения. Русские дипломаты в Польше говорили: «Оставлены одни люди черные, а князи и мурзы и всякие служилые люди побиты, а достальные выведены к Москве и в Новгород по их челобитью, чтоб им волнения не было, а черным людям как одним откладываться?»¹⁷⁹.

Успешно сработала русская дипломатия по внешнеполитической изоляции восставших и расстройству планов создания антирусского союза мусульманских государств и оказания помощи восставшим. Как следствие, Астраханское ханство было ликвидировано, Ногайская Орда, Сибирское ханство и башкиры признали вассалитет от России, Турция не сочла возможным самостоятельно вмешаться в происходящее, а крымский хан не

смог сколько-нибудь действенно повлиять на события в Поволжье.

Важнейшей причиной поражения восстания было то, что царскому правительству не только удалось удержать от участия в восстании жителей Горной стороны, но и создать опору среди татар в лице служилых и новокрещенов и привлечь их к активным действиям по подавлению восстания.

Первая черемисская война имела большее влияние на политику русского государства, чем это принято считать в отечественной историографии. Вся внешнеполитическая деятельность России этого периода была теснейшим образом увязана с обстановкой в Казанском крае. Отношения с Ногайской Ордой, Астраханью, Крымом и Турцией имели задачу противодействовать попыткам создания антирусского союза и оказания этими странами поддержки повстанцев. Только после подавления восстания в Поволжье Русское государство приступило к осуществлению своих планов в Прибалтике, в 1558 г. начинает Ливонскую войну и вновь возвращается к вопросу о признании европейскими монархами царского титула за русским государем.

Победа Московского царства над Казанским ханством объясняется экономическими, военными и политическими причинами. Московское государство превосходило ханство по военно-экономическому потенциалу. Русское государство располагало в 3–4 раза превосходящими силами и более современной тактикой и вооружением.

Холодное вооружение сторон в целом соответствовало времени, но у русских имелось явное превосходство в огнестрельном оружии. В Казани его было мало и практика применения не находилась на должном уровне, использовалось только при обороне Казани, других случаев не зафиксиро-

ровано. Татары недооценили огнестрельное оружие. Привычный лук на первых порах во многом превосходил несовершенные пищали и пушки. Они сложно и долго заряжались, вообще не стреляли в сырую погоду. Лук мог поспорить с пищалью и в меткости. Однако огнестрельное оружие обладало несравненной дальностью и убийной силой. В инженерном отношении русские использовали европейские и свои достижения (гуляй-города, минные подкопы, тарасы, туры и др.).

Татарские воины имели лучшую, чем средний русский воин, выучку. Защищая Казань, они сражались умело, смело и отчаянно. У русских по воинскому мастерству с татарами были сопоставимы дети боярские, стрельцы и наемники. Однако в русском войске была лучше организована система управления и взаимодействия. Кроме того, для русского народа разгром Казани стал общим делом как

продолжение войны с Золотой Ордой за обеспечение безопасности страны от беспокойного соседства. В разгроме Казани были заинтересованы все слои русского общества.

Русские дипломаты везде переигрывали татар, расстраивали союзы и вербовали сторонников из вражеского лагеря. Русским удалось расколоть и перетянуть на свою сторону часть населения ханства. В ходе боев за Казань татарам пришлось на помощь лишь немного ногайцев, луговые марийцы, часть удмуртов, в то время как на русской стороне сражались тысячи татар, мордва, чуваш и горные марийцы. Отсутствие единства, противоречия ослабляли страну, невозможность тюрко-татар договориться между собой перед усиливающейся мощью России стала основной причиной их поражения, как в Казани, так и позднее. Казанское ханство останется славной и трагической страницей в истории татарского народа и России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 193.
- ² Там же. – С. 171, 472; ЦК. – С. 188–189.
- ³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 172, 473.
- ⁴ Там же. – С. 174, 474; КИ. – С. 109.
- ⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 173–176, 473–476.
- ⁶ КИ. – С. 111.
- ⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 177; Т. XXIX. – С. 73; ЦК. – С. 201–202.
- ⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 178, 477; Т. XX. Ч. 2. – С. 494; Т. XXIX. – С. 73–74; ЦК. – С. 205–206.
- ⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 179; Т. XX. Ч. 2. – С. 494; Т. XXIX. – С. 74; ЦК. – С. 206–207.
- ¹⁰ *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. – М., 1973. – С. 113.
- ¹¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 198; Т. XXIX. – С. 91; ЦК. – С. 250–251; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. Ч. 3. – С. 417–418.
- ¹² ПДРВ. – Ч. 9. – С. 30.
- ¹³ Там же. – С. 32–33.
- ¹⁴ Там же. – С. 53.
- ¹⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 187–191.
- ¹⁶ Там же. – С. 200, 496.
- ¹⁷ Сказания князя Курбского. – С. 18–19.
- ¹⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 200.
- ¹⁹ *Алишев С.Х.* – Казань и Москва. – С. 127.
- ²⁰ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Указ. соч. – С. 96–97.
- ²¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 199–200, 210; Сказания князя Курбского. – С. 19.
- ²² Сказания князя Курбского. – С. 24.

- ²³ КИ. – С. 133, 135.
- ²⁴ ПСРЛ. – Т. VI. – С. 307; КИ. – С. 131–133.
- ²⁵ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Указ. соч. – С. 96–97.
- ²⁶ Сказания князя Курбского. – С. 24, 27.
- ²⁷ КИ. – С. 131.
- ²⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 207, 504.
- ²⁹ КИ. – С. 131.
- ³⁰ ПСРЛ. – Т. VI. – С. 307; Т. XIII. – С. 208–209, 505; РК. 1475–1605 гг. – М., 1978. – Т. 1. Ч. 3. – С. 425; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 210; Сказания князя Курбского. – С. 28–30.
- ³¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 211, 507; Т. XXIX. – С. 187; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 211.
- ³² КИ. – С. 127.
- ³³ КИ. – С. 132.
- ³⁴ КИ. – С. 132.
- ³⁵ Сказания князя Курбского. – С. 31–32.
- ³⁶ Там же. – С. 32.
- ³⁷ КИ. – С. 132.
- ³⁸ КИ. – С. 141, 159.
- ³⁹ КИ. – С. 134; Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 217.
- ⁴⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 214, 509; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 214; КИ. – С. 145.
- ⁴¹ КИ. – С. 133; *Адам Олеарий.* Описание путешествия в Московию. – М., 2003. – С. 321.
- ⁴² КИ. – С. 135; Сказания князя Курбского. – С. 30.
- ⁴³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 214, 509.
- ⁴⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 214–215, 510; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 214.
- ⁴⁵ Сказания князя Курбского. Изд. 3-е. / Под ред. Н. Устрялова. – СПб., 1868. – С. 26–27.
- ⁴⁶ ПСРЛ. – Т. IV. – С. 308–309.
- ⁴⁷ КИ. – С. 159.
- ⁴⁸ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. – Л., 1925. – С. 113–114.
- ⁴⁹ ПСРЛ. – Т. XIX. – С. 160; Т. XXI. – С. 627; КИ. – С. 155–156; *Зимин А.А.* Краткие летописцы... – С. 17; Сб. РИО. – Т. 59. – С. 372, 375.
- ⁵⁰ КИ. – С. 159.
- ⁵¹ Синодик по убиенных во брани // *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. – М., 1986. – С. 175–178.
- ⁵² ПСРЛ. – Т. XXXIV. – С. 224.
- ⁵³ ПСРЛ. – Т. XIX. – С. 175; КИ. – С. 165.
- ⁵⁴ История Татарии в материалах и документах. – М., 1937. – С. 123.
- ⁵⁵ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 47.
- ⁵⁶ *Нестеров Ф.Ф.* Связь времен. Опыт исторической публицистики. – М., 1987. – С. 89.
- ⁵⁷ Сочинения И. Пересветова. – М.; Л., 1956. – С. 182, 208, 245.
- ⁵⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 221, 515–516; Т. XX. – Ч. 2. – С. 532; Т. XXIX. – С. 110; ЦК. – С. 315.
- ⁵⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 222, 516.
- ⁶⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. – Ч. 1. – С. 90.
- ⁶¹ ПСРЛ. – Т. XIX. – С. 169; КИ. – С. 161.
- ⁶² *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). – Казань, 1982. – С. 11–28.
- ⁶³ ПСРЛ. – Т. VI. – С. 314; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 443.
- ⁶⁴ *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. – С. 91–115; *Наякин К.Н.* К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // Вопросы истории. – М., 1951. – № 9. – С. 108–111; *Коробов С.А.* Прошлое марийского народа. – Йошкар-Ола, 1957. – С. 11–14; *Айплатов Г.Н.* Указ. соч. – С. 69–84; *Димитриев В.Д.* История

Чувашии XVIII века. – Чебоксары, 1959. – С. 129; *Дубровина Л.А.* Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края. – Йошкар-Ола, 1980. – С.11–14; *Макаров Д.М.* Из истории мари. Первобытный строй – период феодализма до конца XVII века. – Йошкар-Ола, 1959. – С. 61–72; *Ермолаев И.П.* Указ. соч. – С.16–37.

⁶⁵ *Бурдей Г.Д.* Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье // Преподавание истории в школе. – М., 1954. – №5. – С.27–36; История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. – М., 1966. – Т. 2. – С. 175; История Татарской АССР. – Казань, 1968. – С.107–110.

⁶⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма конец XV – начало XVII в. – М., 1955. – С. 364–365, 668–669; *Шмидт С.О.* Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и «Казанская война» // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. – Тр. ЧувНИИ. – Чебоксары, 1977. – Вып. 71. – С. 56; *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. – С. 237.

⁶⁷ КИ. – С. 89–90.

⁶⁸ *Ермолаев И.П.* Указ. соч. – С. 17.

⁶⁹ *Цветков П.* Джихад в коране и в жизни. – СПб., 1912. – С. 14–21; Ислам. Краткий справочник. – М., 1986. – С. 50.

⁷⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 523.

⁷¹ Там же. – С. 528.

⁷² *Ермолаев И.П.* Указ. соч. – С.11.

⁷³ О приписках см.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. – М., 1984. – С. 190–216; *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. – М., 1947. – Т. 23. – С. 251–289.

⁷⁴ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 47.

⁷⁵ КИ. – С. 132.

⁷⁶ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 32; КИ. – С. 161.

⁷⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 228, 526; XX. – Ч. 2. – С. 538–539; ЦК. – С. 331.

⁷⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 228–229, 526–527; XX. – Ч. 2. – С. 538–539; ЦК. – С. 331–332.

⁷⁹ *Худяков М.Г.* Указ. соч. – С. 154; *Ермолаев И.П.* Указ. соч. – С. 16; *Алишев С.Х.* – Казань и Москва. – С. 146 и др.

⁸⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 229, 526–527; XX. – Ч. 2. – С. 539; ЦК. – С. 331–332.

⁸¹ Там же.

⁸² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 230, 528; XIX. – С. 186; XX. – Ч. 2. – С. 540; КИ. – С. 174; ЦК. – С. 335.

⁸³ ПСРЛ. – Т. XIX. – С. 186; КИ. – С. 174.

⁸⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 230, 528; XX. – Ч. 2. – С. 540; Т. XIX. – С. 186; КИ. – С. 174; ЦК. – С. 335–336; Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 59.

⁸⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. – С. 85, 89.

⁸⁶ *Фирсов Н.А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – С. 119.

⁸⁷ ПДРВ. – СПб., 1793. – Ч.9. – С.106–107; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. – Казань, 2006. – С. 131.

⁸⁸ ПДРВ. – Ч. 9. – С. 103; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – С. 130.

⁸⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 229; Т. XX. – Ч. 2. – С. 539–540; ЦК. – С. 332, 334.

⁹⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 237.

⁹¹ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. – М., 1983. – С. 48–51.

⁹² Летописец русский (Московская летопись) // ЧОИДР. – М., 1895. – Кн. 3. – С. 14.

⁹³ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 66–67.

⁹⁴ *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. – СПб., 1789. – Т. 5. Ч. 4. – С. 12.

⁹⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – С. 146.

- ⁹⁶ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 67.
- ⁹⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 231; Т. XX. – Ч. 2. – С. 540–541.
- ⁹⁸ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 445–448.
- ⁹⁹ ПДРВ. – Ч. 9. – С. 90–91; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – С. 125.
- ¹⁰⁰ ПДРВ. – Ч. 9. – С. 101–103; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – С. 129–130.
- ¹⁰¹ ПДРВ. – Ч. 9. – С. 105–106.
- ¹⁰² ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 226.
- ¹⁰³ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 461–462.
- ¹⁰⁴ *Загоскин Н.П.* Казанские мятежи в первые пять лет после покорения Казани русской державе // Казанские вести. – 1891. – № 77. – С. 2.
- ¹⁰⁵ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 60.
- ¹⁰⁶ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 462–463.
- ¹⁰⁷ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 60.
- ¹⁰⁸ Там же; ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 239; Т. XX. – Ч. 2. – С. 547.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 239; Т. XX. – Ч. 2. – С. 547; Т. XXIX. – С. 227.
- ¹¹⁰ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 227; Сказания князя Курбского. – С. 61; В некоторых источниках говорится о 15 000 пленным. Ср.: ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 239; Т. XX. – Ч. 2. – С. 547; РК. 1475–1605 гг.; Т. 1. – Ч. 3. – С. 463.
- ¹¹¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 239; Т. XX. – Ч. 2. – С. 547.
- ¹¹² Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 61.
- ¹¹³ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 463–466.
- ¹¹⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 239; Т. XX. – Ч. 2. – С. 547.
- ¹¹⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – С. 152.
- ¹¹⁶ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 61.
- ¹¹⁷ Там же. – С. 67.
- ¹¹⁸ ПСРЛ. – Т. XXXI. – С. 228; Сб. РИО. – Т. 59. – С. 435.
- ¹¹⁹ ПДРВ. – Ч. 8. – С. 283, 288, 318–319, 332; Ч. 9. – С. 110–111, 122.
- ¹²⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 235; Т. XX. – Ч. 2. – С. 544; Т. XXIX. – С. 225; ПДРВ. – Ч. 9. – С. 122–126.
- ¹²¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 241; Т. XX. – Ч. 2. – С. 545; Т. XXIX. – С. 228–229; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 234.
- ¹²² Сб. РИО. – Т. 59. – С. 150–151.
- ¹²³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 241–244; Т. XXIX. – С. 229; XXXI. – С. 132; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 234–237; РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 467–469.
- ¹²⁴ Сб. РИО. – Т. 59. – С. 449–450; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 234, 236–237; *Валишевский К.Ф.* Иван Грозный. – М., 1989. – С. 190.
- ¹²⁵ ПДРВ. – Ч. 9. – С. 167.
- ¹²⁶ Сб. РИО. – Т. 59. – С. 450.
- ¹²⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 247; Т. XX. – Ч. 2. – С. 560; Т. XXIX. – С. 232; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 240.
- ¹²⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 243; Т. XX. – Ч. 2. – С. 552.
- ¹²⁹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 245; Т. XX. – Ч. 2. – С. 552.
- ¹³⁰ Сб. РИО. – Т. 59. – С. 449.
- ¹³¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 247; Т. XX. – Ч. 2. – С. 554.
- ¹³² *Айплатов Г.Н.* Указ. соч. – С. 75; *Коробов С.А.* Указ. соч. – С. 13; История СССР. – М., 1966. – Т. 2. – С. 175.
- ¹³³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 247; Т. XX. – Ч. 2. – С. 554.
- ¹³⁴ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. – Л., 1925. – С. 114–115.
- ¹³⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 247; Т. XX. – Ч. 2. – С. 553–554.
- ¹³⁶ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 475–478.
- ¹³⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 246; Т. XX. – Ч. 2. – С. 553; XXIX. – С. 232.
- ¹³⁸ Там же.

- ¹³⁹ Карамзин М.Н. История государства Российского. – М., 1989. – Кн. 2. – Т. 8. – С.124.
- ¹⁴⁰ Сб. РИО. – Т. 59. – С.479.
- ¹⁴¹ ПСРЛ. – Т. III. – С. 157.
- ¹⁴² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 249–250,259; Т. XX. – Ч. 2. – С. 555–556, 562; Т. XXI. – С. 650–651.
- ¹⁴³ ААЭ. – Т. 1. – С.256–261.
- ¹⁴⁴ Акты исторические (далее: АИ). – СПб., 1841. – Т. 1. – № 162; *Каишанов С.М.* Указ. соч. – С. 171.
- ¹⁴⁵ *Каишанов С.М.* Указ. соч. – С.174.
- ¹⁴⁶ ААЭ. – Т. 1. – С.258.
- ¹⁴⁷ Очерки истории СССР. – С. 676–679; Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа, 1956. – Т. 1. – С. 61–63; Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 67, 78–80, 101, 108, 117, 127, 150, 165; *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С.94–97.
- ¹⁴⁸ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. – Саратов, 2010. – С.47.
- ¹⁴⁹ ПСРЛ. – Т. XX. – Ч. 2. – С. 554; Т. XXIX. – С. 233.
- ¹⁵⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 255; Т. XX. – Ч. 2. – С. 560; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С.245.
- ¹⁵¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 255; Т. XX. – Ч. 2. – С. 568–569; Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 67.
- ¹⁵² ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 262; ПДРВ. – Ч. 9. – С. 190, 195–197; *Соловьев С.М.* Соч. – М., 1989. – Кн. 3. Т. 6. – С.471.
- ¹⁵³ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С.501.
- ¹⁵⁴ Там же. – С.500–501.
- ¹⁵⁵ Дополнения к актам историческим. – СПб., 1846. . – Т. 1. – С. 148–149.
- ¹⁵⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 265; Т. XX. – Ч. 2. – С.568.
- ¹⁵⁷ *Андреев И.* О бедном дворянстве замолвите слово... // Родина. – М., 1997. – № 9. – С. 37–43.
- ¹⁵⁸ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 266; Т. XX. – Ч. 2. – С.569.
- ¹⁵⁹ *Худяков М.Г.* Указ. соч. – С.156.
- ¹⁶⁰ *Егоров Ф.Е.* Материалы по истории народа мари. – Йошкар-Ола, 2012. – С.118–119; *Макаров Д.М.* Указ. соч. – С. 63-64; *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. – С. 234; *Синицына К.Р.* История Татарстана и татарского народа. – Казань, 1995. – Ч. 2. – С.6; *Рашитов Ф.А.* История татарского народа: С древнейших времен до наших дней. – Саратов, 2001. – С. 121; *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. – Л., 1974. – С.433, 463 и др.
- ¹⁶¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – С.135.
- ¹⁶² *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2001. – С.259.
- ¹⁶³ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 276; Т. XXXI.. – С. 134; ПДРВ. – Ч. 9. – С. 238, 246, 248, 261, 278; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). – М., 2003; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. – С. 214, 217, 219, 234, 236, 237, 239–242, 245, 247, 248, 250; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 261–262, 268.
- ¹⁶⁴ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. – С. 590.
- ¹⁶⁵ РК. 1475–1605 гг. – Т. 1. – Ч. 3. – С. 500–501.
- ¹⁶⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С.265–266; Т. XX. – Ч. 2. – С.568; Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С.67.
- ¹⁶⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 274–275, 277; *Татищев В.Н.* Указ. соч. – С. 259, 261–262.
- ¹⁶⁸ ПКК. – С. 48, 52.
- ¹⁶⁹ ПСРЛ. – Т. XXI. – С.649–650.
- ¹⁷⁰ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 269; Т. XX. – Ч. 2. – С.571–572.
- ¹⁷¹ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 270; Т. XX. – Ч. 2. – С.571–572.
- ¹⁷² ААЭ. – СПб., 1836. – Т. 2. – С.177.

¹⁷³ Акты нижегородских монастырей Печерского и Благовещенского // Нижегородские губернские ведомости, 1848. – № 5. – С. 19–20; № 15. – С. 59; Акты юридические. – СПб., 1838. – С. 192. Большинство историков ошибочно относит последнее событие к 1587 г., исходя из даты написания грамоты.

¹⁷⁴ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 281–283; Т. XX. – Ч. 2. – С. 582–583; Т. XXIX. – С. 256.

¹⁷⁵ Сказания князя Курбского. – СПб., 1833. – Ч. 1. – С. 59.

¹⁷⁶ ПСРЛ. – Т. XIX. – С. 186; Ки. – С. 174.

¹⁷⁷ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 282; Т. XX. – Ч. 2. – С. 583. См. также Сб. РИО – Т. 59. – С. 526.

¹⁷⁸ ПСРЛ. – Т. XIX. – С. 186; Ки. – С. 174.

¹⁷⁹ Сб. РИО – Т. 59. – С. 615; Сб. РИО – Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – СПб., 1892. – Ч. 3: 1560–1571 гг. – С. 8.

Аннотация

В статье рассмотрена политическая история Казанского ханства. Указывается, что во внешней политике ханство имело дипломатические, экономические, культурные отношения и военные конфликты как с ближайшими соседями, так и с отдаленными государствами. Скрупулезно исследованы и по возможности объективно изложены взаимоотношения Казанского, Крымского, Касимовского, Астраханского и Тюменского ханств, а также Московии и Ногайской Орды в XV – первой половине XVI вв.

Ключевые слова: политическая история, Среднее Поволжье, Казанское ханство, Московское государство, татары, русские, мари́йцы, мусульмане, христиане.

Summary

The article discusses the political history of the Kazan Khanate. Indicates that foreign policy of Khanate had diplomatic, economic and cultural relations and military conflicts with both immediate neighbors and distant countries. Meticulously researched and as possible objectively presented relationships of Kazan, Crimea, Kasimov, Tyumen, Astrakhan Khanates, Muscovy and the Nogai Horde in the XV – the first half of the XVI centuries.

Keywords: Political History, Middle Volga Region, Kazan Khanate, Moscow State, Tatars, Russians, Mari, Muslims, Christians.